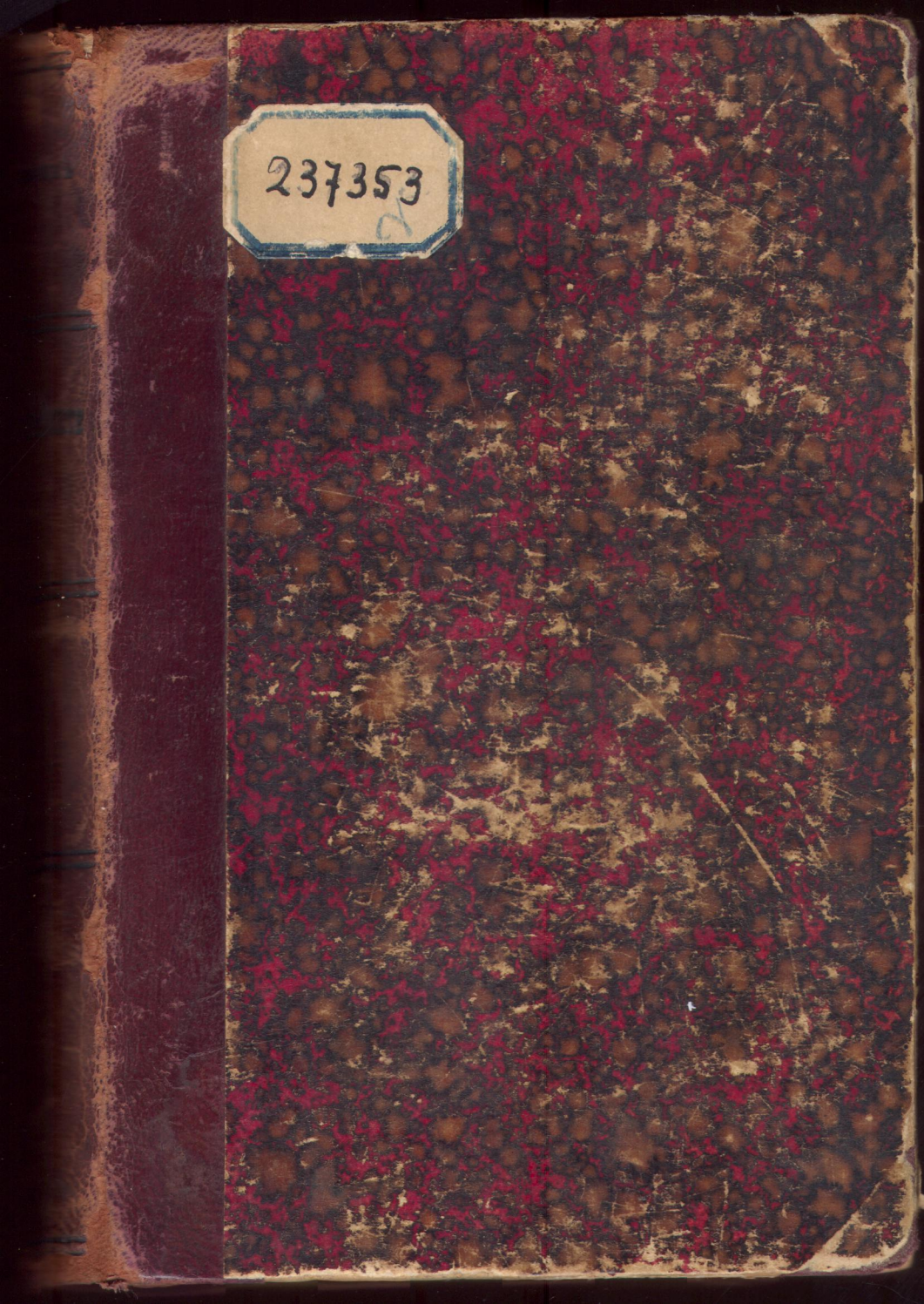

237353

The image shows the front cover of an antique book. The cover is decorated with a marbled paper pattern in shades of red, brown, and black. The spine, visible on the left, is bound in a dark red, textured material, possibly leather or cloth. A small, octagonal, cream-colored label with a blue border is affixed to the upper left corner of the cover, displaying the number '237353' in black ink. The book shows signs of age, including wear, scratches, and some discoloration.

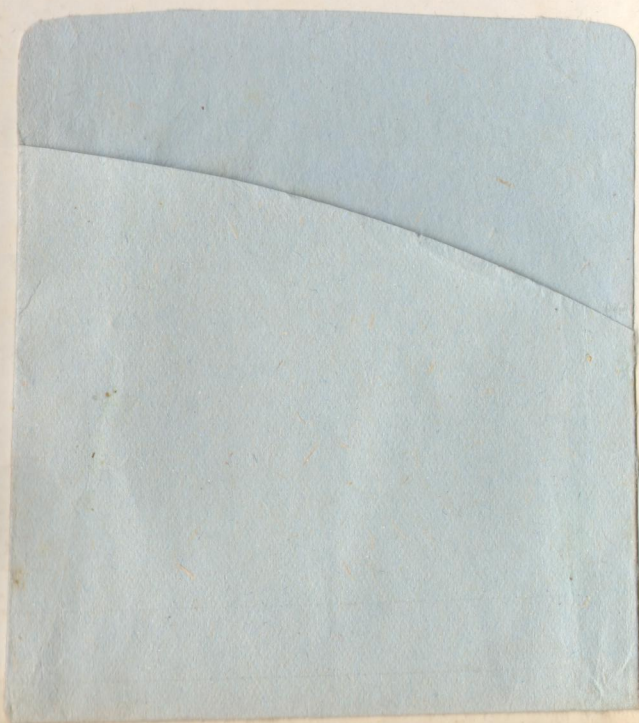
35 SEP 1911

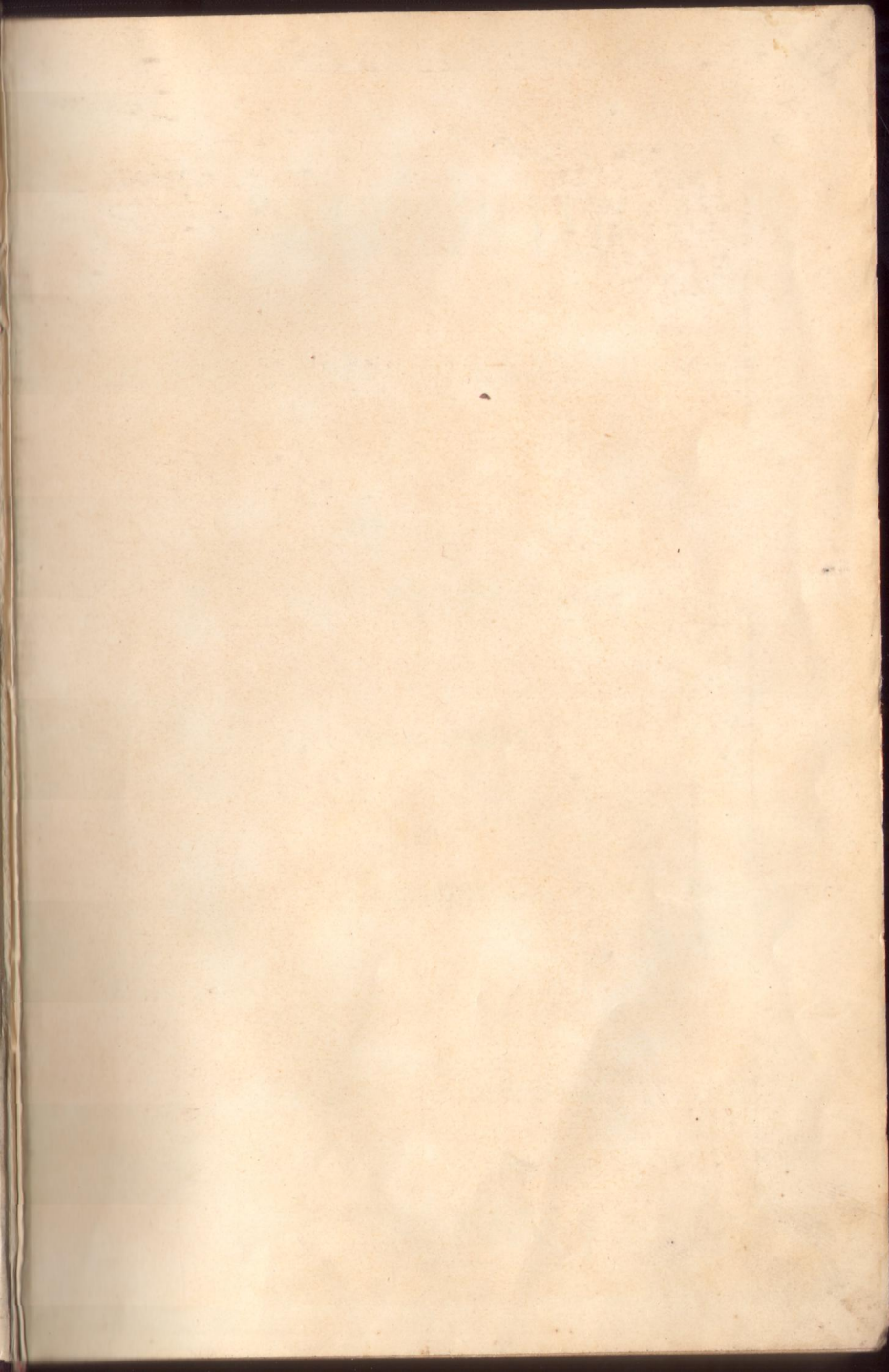
JOSEPH TET

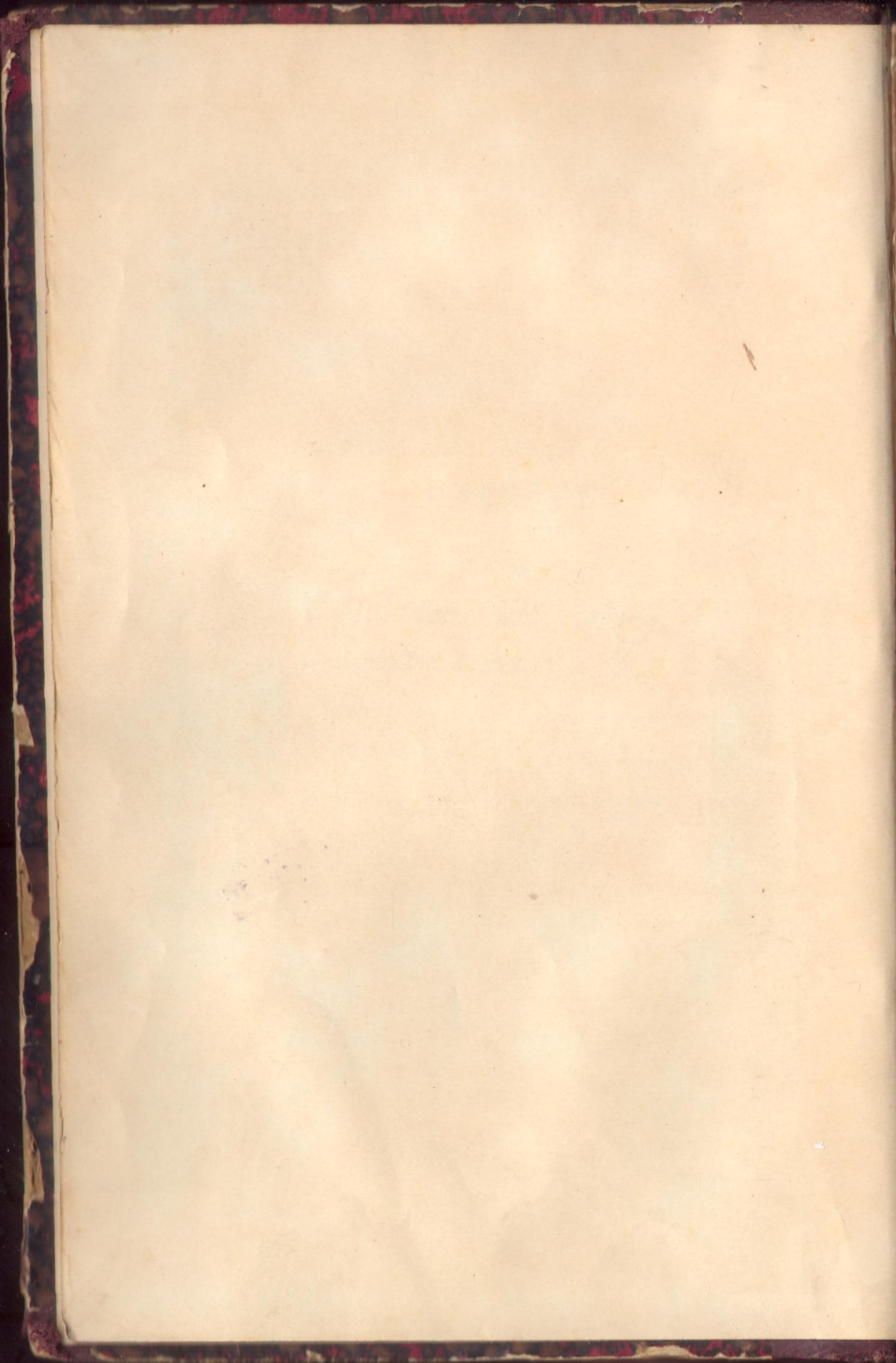
2

2nd
12/27/95

83(09) ^{xix} Geis

РАЗГОВОРЫ ГЕТЕ

СОБРАННЫЕ ЭККЕРМАННОМЪ

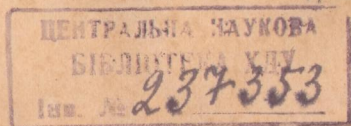
ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Д. В. АВЕРКІЕВА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1891

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 мая 1891 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

1827.

Среда, 5-го іюля 1827.

Главный директоръ, Кудрэ, сдѣлалъ рисунокъ желѣзной балюстрады, которую онъ намѣревается поставить въ Османнстедтѣ ¹⁾, вокругъ могилы Виланда. Послѣ его ухода, Гете сказалъ мнѣ: «Я живу въ вѣкахъ, и мнѣ всегда странно слушать о статуяхъ и монументахъ. Я не могу подумать о статуѣ, которую воздвигаютъ человѣку за заслуги, безъ того, чтобъ не представить себѣ, какъ въ будущемъ солдаты свергнутъ и разобьютъ ее. Я уже вижу, какъ желѣзная рѣшетка Кудрэ вокругъ могилы Виланда блеститъ въ видѣ подковъ будущей кавалеріи; къ этому я могу прибавить, что видѣлъ уже на своемъ вѣку подобное во Франкфуртѣ. Сверхъ того, могила Виланда находится слишкомъ близко отъ Ильяма; рѣка тамъ круто поворачиваетъ, и лѣтъ черезъ сто настолько смоетъ берегъ, что достигнетъ до могилъ».

Мы съ веселымъ юморомъ поговорили о несносномъ непостоянствѣ всего земного, затѣмъ стали

¹⁾ Небольшая деревенька близъ Веймара, гдѣ жилъ Виландъ.

вновь разсматривать рисунокъ Кудрэ; мы любовались, какъ рисовальщикъ съумѣлъ такъ подчинить своей волѣ нѣжныя и сильныя черты карандаша, что его мысль непосредственно и вполне выразилась на рисункѣ. Отъ этого мы перешли къ собственноручнымъ рисункамъ, и Гете показалъ мнѣ превосходный рисунокъ одного изъ итальянскихъ мастеровъ, изображавшій отрока Иисуса во храмѣ между толкователями закона. Затѣмъ онъ показалъ мнѣ гравюру на мѣди съ оконченной картины, и много можно было сказать о преимуществѣ рисунка передъ гравюрой. «Въ послѣднее время», сказалъ Гете, «мнѣ посчастливилось за-дешево купить много прекрасныхъ собственноручныхъ рисунковъ знаменитыхъ мастеровъ. Такіе рисунки неоцѣненны не только потому, что они являютъ намъ въ чистотѣ намѣренія художника, но также потому, что переносятъ насъ въ то настроеніе духа, въ которомъ онъ находился въ минуту творчества. Въ этомъ рисункѣ, *Отрокъ Иисусъ во храмѣ*, всѣ черты дышатъ великой душевной ясностью и тихой и радостной рѣшимостью художника, и такое благодѣтельное настроеніе переходитъ къ намъ, когда мы разсматриваемъ его картину. Притомъ, великое преимущество пластическаго искусства состоитъ въ томъ, что оно само, по природѣ, чисто объективно, а потому, привлекая насъ къ себѣ, не возбуждаетъ слишкомъ сильно нашихъ чувствъ. Передъ нами стоитъ произведеніе и либо ничего не говоритъ намъ, либо говоритъ весьма опредѣленнымъ образомъ. Стихотвореніе, напротивъ, производитъ болѣе туманное впечатлѣніе: оно возбуждаетъ чувство, и у каждаго иное, смотря по природѣ и способностямъ слушателя».

— Надняхъ, сказалъ я,—я прочелъ превосход-

ный англійскій романъ, *Родерикъ Рандомъ*, Смолета; онъ произвелъ на меня впечатлѣніе, близкое къ тому, какое производитъ хорошій рисунокъ. Непосредственное изображеніе, нѣтъ и слѣда склонности къ сентиментализму; но дѣйствительная жизнь встаетъ передъ вами, какъ она есть, порой довольно противная и отвратительная; но въ цѣломъ романъ производитъ ясное впечатлѣніе, въ силу своей вполне опредѣленной реальности.

— Я слышалъ много похвалъ *Родерику Рандому*, сказалъ Гете,—и вѣрю тому, что вы о немъ говорите, но я никогда не читалъ его. Знаете ли вы *Росселаса* Джонсона? Прочтите-ка, и скажите мнѣ, какъ вы его найдете.

Я обѣщалъ.

— У лорда Байрона, сказалъ я,—также часто я встрѣчалъ вполне непосредственныя изображенія, которыя отчетливо передаютъ предметъ, и возбуждаютъ наше внутреннее чувство совершенно такъ же, какъ непосредственный собственноручный рисунокъ хорошаго мастера. Особенно богаты такими мѣстами *Донъ-Жуанъ*.

— Да, сказалъ Гете,—въ этомъ лордъ Байронъ великъ; въ его изображеніяхъ дѣйствительность наброшена такъ легко, какъ будто это импровизація. Я мало знаю такихъ мѣстъ въ *Донъ-Жуанъ*, но въ другихъ его поэмахъ я помню ихъ; особенно безподобныя описанія моря, гдѣ то тамъ, то сямъ мелькнетъ парусъ и даже кажется, будто чувствуешь морской воздухъ.

— Въ его *Донъ-Жуанъ* я особенно восхищался изображеніемъ Лондона; читая его легкіе стихи, точно видишь городъ передъ собою. Притомъ, онъ мало заботится о томъ, поэтиченъ ли предметъ,

или нѣтъ, но схватываетъ и употребляетъ въ дѣло все, что ему попадаетъ, до завитыхъ париковъ передъ окнами цирюльниковъ, до фонариковъ, которые наливаютъ масло въ уличные фонари.

— Наши нѣмецкіе эстетики черезчуръ много говорятъ о поэтическихъ и непоэтическихъ предметахъ, сказалъ Гете, — и, можетъ быть, въ извѣстномъ отношеніи они не совсѣмъ неправы; но въ сущности нѣтъ ни одного предмета, который былъ бы непоэтиченъ, какъ скоро поэтъ съумѣетъ какъ слѣдуетъ имъ воспользоваться.

— Вотъ правда! сказалъ я, — и я желалъ бы, чтобы это воззрѣніе стало общимъ правиломъ.

Затѣмъ мы говорили о *Двухъ Фоскари*, причемъ я замѣтилъ, что Байронъ превосходно рисуетъ женщинъ.

— У него женщины очень хороши, сказалъ Гете. — Но это единственная форма, въ которую мы, новые, можемъ отлить свой идеализмъ. Съ мужчинами ничего не подѣлаешь: Гомеръ все у насъ предвосхитилъ Ахилломъ и Одиссеемъ, — храбрѣйшимъ и мудрѣйшимъ.

— Затѣмъ, сказалъ я, — въ *Двухъ Фоскари* такъ много пытокъ, что становится страшно, и трудно понять, какъ Байронъ могъ такъ долго жить среди мучительныхъ предметовъ, и кончить пьесу.

— Но тутъ истинная стихія Байрона, сказалъ Гете, — онъ былъ вѣчный самоистязатель; такіе сюжеты были его любимыми темами, какъ то видно изъ всѣхъ его вещей, между которыми нѣтъ ни одной съ веселымъ сюжетомъ. Но, не правда ли, и въ *Двухъ Фоскари* самое изображеніе достойно хвалы?

— Великолѣпно, сказалъ я: — каждое слово сильно, значительно и мѣтко; впрочемъ, я до сихъ поръ не

нашелъ въ Байронѣ ни одной слабой строчки. Я всегда словно вижу, какъ онъ выходитъ изъ морскихъ волнъ, свѣжій и полный первичныхъ творческихъ силъ.

— Именно такъ, ваша правда, сказалъ Гете.

— И чѣмъ я больше его читаю, тѣмъ больше удивляюсь величинѣ его таланта, и вы хорошо сдѣлали, воздвигнувъ ему въ *Еленѣ* безсмертный памятникъ любви.

— Я никого, кромѣ его, не могъ избрать представителемъ новой поэзіи, потому что онъ, конечно, величайшій талантъ нашего вѣка. И при томъ, Байронъ ни классикъ, ни романтикъ; онъ былъ само нынѣшнее время. Такой мнѣ и требовался. Сверхъ того, онъ подходилъ и по своей неудовлетворенной натурѣ, и по-своему воинственному стремленію, благодаря чему и погибъ въ Миссолонгѣ. Писать разсужденіе о Байронѣ и неудобно, и бесполезно, но я всегда, при случаѣ, буду воздавать ему честь и указывать на него.

Заговоривъ о *Еленѣ*, Гете продолжалъ: «Сначала у меня былъ совсѣмъ другой конецъ; я его обдумывалъ на различные лады, и наконецъ вышло хорошо; только я вамъ не скажу, какой былъ конецъ.

«Затѣмъ, благодаря лорду Байрону и Миссолонгѣ, пришелъ въ голову другой, и я бросилъ остальные. Но замѣтили ли вы, что хоръ въ печальной пѣснѣ совсѣмъ выходитъ изъ своей роли; въ началѣ онъ выдержанъ въ античномъ тонѣ, и нигдѣ не измѣняетъ своей дѣвичьей природѣ, а тутъ онъ сразу становится важнымъ и высоко-разумнымъ, и высказываетъ такія вещи, о которыхъ никогда не думалъ да и думать не могъ?»

— Да, я это замѣтилъ, сказалъ я;—но послѣ того,

какъ я видѣлъ пейзажъ Рубенса съ двойнымъ освѣщеніемъ, съ тѣхъ поръ какъ я понялъ, что такое фикція,—меня подобныя вещи уже не собьютъ съ толку. На такія маленькія противорѣчія нельзя обращать вниманія, когда посредствомъ ихъ достигается высшая красота. Эту пѣсню слѣдовало пропѣть, и ее должны пропѣть дѣвушки, потому что другого хора на лицо нѣтъ.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, смѣясь сказалъ Гете,— что-то скажутъ объ этомъ нѣмецкіе критики; хватитъ ли у нихъ свободы и ума на то, чтобы не замѣтить этого. Французамъ помѣшаетъ умъ, и они не примутъ въ соображеніе, что у фантазіи есть свои собственные законы, къ которымъ умъ не можетъ и не долженъ быть прилагаемъ. Еслибы при помощи фантазіи не создавались вещи, которыя останутся на вѣки загадкой для ума, то фантазія не много бы стоила. Этимъ-то и отличается поэзія отъ прозы, у которой умъ всегда есть и долженъ быть дома.

Я порадовался этимъ замѣчательнымъ словамъ, и запомнилъ ихъ для себя. Затѣмъ я поспѣшилъ уйти: уже было около десяти часовъ. Мы сидѣли безъ свѣчей; свѣтлая лѣтняя ночь стояла надъ Эттерсбергомъ ¹⁾).

Понедѣльникъ, вечеромъ, 9-го іюля 1827.

Гете былъ одинъ и разсматривалъ гипсовые слѣпки съ медалей кабинета Штоша. «Въ Берлинѣ были столь добры, что прислали мнѣ для осмотра всю коллекцію», сказалъ Гете; «я знаю уже большую часть этихъ прекрасныхъ вещей, но теперь я вижу ихъ

¹⁾ Возвышенность, господствующая надъ Веймаромъ.

въ научномъ порядкѣ, установленномъ Винкельманномъ; я пользуюсь также его описаніемъ и, въ случаѣ сомнѣнія, справляюсь съ его мнѣніемъ».

Мы говорили недолго, какъ вошелъ канцлеръ и подсѣлъ къ намъ. Онъ намъ сообщилъ извѣстія изъ официальныхъ газетъ, и между прочимъ разсказалъ о сторожѣ въ звѣринцѣ, который, желая полакомиться лвинымъ мясомъ, убилъ льва, и приготовилъ для себя порядочный кусокъ. «Меня удивляетъ», сказалъ Гете, «что онъ не попробовалъ обезьяняго мяса: оно должно быть нѣжно и вкусно». Мы заговорили объ отвратительномъ видѣ этихъ животныхъ, который тѣмъ не переноснѣе, чѣмъ онѣ болѣе похожи на людей. «Я не понимаю», сказалъ канцлеръ, «какъ царственные особы могутъ терпѣть подлѣ себя этихъ животныхъ, и не только терпѣть, но находить въ нихъ удовольствіе». — Царственнымъ особамъ, замѣтилъ Гете, — приходится испытывать столько мученій отъ отвратительныхъ людей, что онѣ употребляютъ отвратительныхъ животныхъ, какъ средство отъ непріятныхъ впечатлѣній. Намъ, по справедливости, противны обезьяны и крикъ попугаевъ, потому что мы видимъ ихъ въ обстановкѣ, для которыхъ они не созданы. Но, еслибъ мы ѣздили на слонахъ, въ тѣни пальмъ, то нашли бы, что при такой обстановкѣ обезьяны и попугаи вполне на мѣстѣ, даже они бы намъ нравились. — «Мнѣ вспомнились при этомъ стихи, которыхъ, можетъ быть, вы сами не помните», сказалъ я:

«Когда людямъ угодно быть скотами,
То пусть живутъ совмѣстно со звѣрями,
И станетъ гадость ихъ сноснѣй для глазъ:
Адамъ вѣдь общій праотецъ у насъ».

Гете засмѣялся. «Да», сказалъ онъ, «именно такъ. Грубость можно изгнать только еще сильнѣйшей грубостью. Я вспоминаю случай изъ временъ моей молодости, когда между дворянами попадались еще совершеннѣйшіе скоты; разъ за столомъ, въ очень хорошемъ обществѣ и въ присутствіи женщинъ, нѣкоторый богатый дворянинъ отпускалъ черезчуръ крутыя шутки, которыя были и непріятны, и досадны для всѣхъ, принужденныхъ его слушать. Уговорить его не было возможности. Рѣшительный и знатный господинъ, сидѣвшій противъ него, поэтому избралъ другое средство; онъ громко сказалъ такую непристойность, что всѣ испугались, въ томъ числѣ и самъ грубіянь, который почувствовалъ, что его затмили, и затѣмъ ужъ не открывалъ рта. Съ этого мгновенія, разговоръ принялъ веселый и пріятный оборотъ къ радости всѣхъ присутствующихъ; всѣ были благодарны рѣшительному господину за его неслыханную смѣлость, имѣвшую столь благопріятный результатъ».

Мы посмѣялись этому веселому анекдоту, и затѣмъ канцлеръ заговорилъ о новѣйшихъ столкновенияхъ между оппозиціей и министерской партіей въ Парижѣ, причемъ почти дословно привелъ сильную рѣчь, которую произнесъ одинъ черезчуръ отважный демократъ въ судѣ, въ свою защиту противъ министра. Мы имѣли при этомъ случай вновь подивиться памяти канцлера. По этому поводу, между Гете и канцлеромъ завязался большой разговоръ, касавшійся особенно закона, ограничивающаго свободу печати; тема была богатая, и Гете, какъ всегда, явился умѣреннымъ аристократомъ, его же другъ, какъ и раньше, явно стоялъ на сторонѣ народа.

«Я нисколько не беспокоюсь на счетъ францу-

зовъ», сказалъ Гете; «они стоятъ на такой высотѣ всемірно-историческаго воззрѣнія, что у нихъ никоимъ образомъ нельзя подавить духа. Этотъ ограничительный законъ будетъ просто благодѣяніемъ, потому что ограниченія не касаются ничего существеннаго, и направлены только противъ личностей. Оппозиція, не знающая никакихъ границъ, становится плоской. Ограниченіе же принудить ее быть остроумной, и въ этомъ большая выгода. Извинительно и хорошо выражать свое мнѣніе прямо и грубо только тому, кто вполнѣ правъ. Партія же никогда не бываетъ права вполнѣ, именно потому что она партія; вотъ почему ей приличествуетъ говорить уклончиво, а въ этомъ французы могли всегда считаться образцами. Своему слугѣ я говорю прямо: «Гансъ, сними мнѣ сапоги!» И онъ понимаетъ. Но, если мнѣ вздумается, чтобъ пріятель оказалъ мнѣ такую услугу, то мнѣ нельзя выразиться такъ прямо; я долженъ придумать пріятный дружескій оборотъ, который подвинулъ бы его оказать мнѣ подобную любезность. Необходимость возбуждаетъ умъ; вотъ почему, повторяю, мнѣ и нравится ограниченіе свободы печати. Французы доселѣ пользовались славой остроумнаго народа, и они заслуживаютъ, чтобъ эта слава осталась за ними. Мы, нѣмцы, выкладываемъ прямо свое мнѣніе, и недалеко ушли въ умѣньи говорить обвиняками. Парижскія партіи могли бы имѣть еще большее значеніе, будь онѣ еще либеральнѣе и свободнѣе, и сильнѣе обособлены, чѣмъ теперь. Они стоятъ на высшей степени всемірно-историческаго развитія, чѣмъ англичане, у которыхъ парламентъ представляетъ страшныя противодѣйствующія силы, парализирующія другъ друга; у нихъ трудно выдвинуться широкому взгляду отдѣльнаго человѣка,

какъ то видно на примѣрѣ Канинга; этому великому государственному челоѣку приходится терпѣть много непріятностей».

Мы встали, чтобъ уйти. Но Гете былъ такъ оживленъ, что мы еще порядочно проговорили стоя. Затѣмъ онъ любезно простился съ нами, и я проводилъ канцлера до дому. Вечеръ былъ превосходный и дорогой мы много говорили о Гете. Особенно же часто мы повторяли его слова, что оппозиція безъ ограниченія становится плоской.

Воскресенье, 15-го іюля 1827.

Въ восемь часовъ вечера я пошелъ къ Гете; онъ только-что воротился изъ своего сада. «Посмотрите-ка, что тамъ лежитъ!» сказалъ онъ; «романъ въ трехъ томахъ, и чей вдобавокъ? Манцони!» Я осмотрѣлъ книги въ очень красивыхъ переплетахъ, съ подписью автора. — Манцони не лѣнится, сказалъ я. — «Да, дѣло не застаивается», отвѣчалъ Гете. — Я знаю изъ Манцони только его оду на Наполеона, которую я надняхъ съ большимъ восхищеніемъ перечелъ въ вашемъ переводѣ. Что строфа, то картина. — «Ваша правда, ода превосходна», сказалъ Гете. «Но много ли говорятъ о ней въ Германіи? Ровно столько же, какъ еслибъ ея вовсе не было, а вѣдь это лучшее стихотвореніе на этотъ сюжетъ».

Гете продолжалъ чтеніе англійскихъ газетъ, за чѣмъ я и засталъ его. Я взялъ въ руки томъ нѣмецкихъ романовъ въ переводѣ Карлейля; въ немъ заключались Музеусъ и Фуке¹⁾. Хорошо знакомый съ нашей литературой англичанинъ, сопровождалъ пере-

¹⁾ Фуке извѣстенъ у насъ, благодаря тому, что Жуковский передѣлалъ его *Ундины*.

водъ вступленіями, гдѣ описана жизнь писателя и имѣется критика его произведеній. Я прочелъ вступленіе къ роману Фуке. Остроумный англичанинъ сравниваетъ его съ голосомъ пѣвца, объемъ котораго невеликъ и небогатъ нотами, но звучитъ превосходно. Затѣмъ, чтобъ яснѣе выразить свое мнѣніе, онъ беретъ сравненіе изъ церковныхъ отношеній и говоритъ, что Фуке въ поэтической церкви не занимаетъ мѣста епископа или тому подобнаго, но довольствуется исполненіемъ обязанностей капеллана, и исполняетъ ихъ прекрасно.

Пока я читалъ, Гете перешелъ въ заднюю комнату, и прислалъ за мной слугу. Я пошелъ къ нему. «Подсаживайтесь-ка ко мнѣ, мы еще поговоримъ немного», сказалъ онъ. «Я получилъ переводъ Софокла¹⁾; онъ читается хорошо и, кажется, вполне исправенъ; я, впрочемъ, сравню его съ переводомъ Зольгера. Ну, что вы скажете о Карлейлѣ?» — Я сказалъ, что прочелъ о Фуке.

— Развѣ это не хорошо? сказалъ Гете; — да, заморемъ есть умные люди, которые насъ знаютъ и умѣютъ цѣнить. Впрочемъ, въ другихъ отрасляхъ и у насъ, нѣмцевъ, есть хорошія головы. Я прочелъ въ *Berliner Jahrbücher* очень замѣчательную рецензію одного историка на Шлоссера. Она подписана: Гейнрихъ Лео²⁾; я о немъ ничего не слышалъ, но слѣдуетъ разузнать о немъ. Онъ выше французовъ, а это въ исторіи что нибудь да значить. Французы черезчуръ хватаются за реальное,

¹⁾ Георга Тудихума.

²⁾ Въ то время профессоръ безъ жалованья въ Берлинскомъ университетѣ; въ послѣдствіи онъ заслужилъ извѣстность, какъ одинъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ радикализма.

и не могутъ взять въ толкъ идеальное; нѣмцы же обладаютъ имъ въ полной мѣрѣ. У него превосходный взглядъ на индійскія касты. Много толкуютъ объ аристократіи и демократіи, а вещь очень простая: въ юности, когда у насъ ничего нѣтъ или когда мы не умѣемъ цѣнить спокойнаго обладанія, мы демократы; но, если за долгую жизнь мы скопимъ себѣ собственность, то уже желаемъ, чтобъ она была обезпечена не только намъ, но чтобъ и наши дѣти, и внуки спокойно пользовались наслѣдствомъ. Вотъ почему въ старости мы всѣ становимся аристократами, хотя бы въ юности держались иныхъ мнѣній. Лео говоритъ объ этомъ съ большимъ умомъ.

«На счетъ эстетики у насъ, конечно, весьма и весьма слабо, и намъ придется долго ждать, пока найдется такой человѣкъ, какъ Карлейль. Хорошо, впрочемъ, что теперь, при близкомъ общеніи между французами, англичанами и нѣмцами, мы можемъ поправлять другъ друга. Это великая польза—послѣдствіе міровой литературы, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе она будетъ обнаруживаться. Карлейль написалъ *Жизнь Шиллера*, и выразилъ о немъ вообще такое сужденіе, которое нелегко было бы составить и нѣмцу. Наоборотъ, мы имѣемъ ясное понятіе о Шекспирѣ и Байронѣ, и умѣемъ цѣнить ихъ заслуги, быть можетъ, лучше самихъ англичанъ».

Среда, 18-го іюля 1827.

Гете сегодня за обѣдомъ съ перваго слова сказалъ мнѣ: «Объявляю вамъ, что романъ Манцони¹⁾ превосходитъ все, что намъ извѣстно въ этомъ

¹⁾ I promessi sposi (Обрученные); онъ переведенъ по русски.

родѣ. Мнѣ стоитъ только сказать, что все внутреннее, все, что исходитъ изъ души поэта — само совершенство, и что все внѣшнее, всѣ описанія мѣстности и тому подобнаго, ни на волосъ не уступаетъ внутреннему». Я радовался и изумлялся, слыша это. «Впечатлѣніе», продолжалъ Гете, — «таково, что отъ изумленія переходишь къ волненію, и отъ волненія къ изумленію, и такъ до конца. Въ этомъ романѣ впервые обнаруживается, что такое Манцони. Здѣсь становится вполне ясно его внутреннее содержаніе, котораго онъ не имѣлъ случая выразить въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ. Теперь я, кряду, прочту лучший романъ Вальтера Скотта, *Ваверлей*, что ли; потому что еще не знаю и хочу испытать, чѣмъ покажется Манцони подлѣ великаго англійскаго писателя. Внутреннее развитіе Манцони является въ этомъ романѣ на такой высотѣ, что трудно сравниться съ нимъ; онъ радуетъ насъ, какъ вполне зрѣлый плодъ. И какая ясность въ обработкѣ и изображеніи подробностей! какъ само итальянское небо!» — И въ немъ нѣтъ и слѣда сентиментальности? спросилъ я. — «У него есть чувство, но нѣтъ чувствительности; душевныя состоянія и мужественны, и чисты. Сегодня я больше ничего не скажу; я еще читаю первый томъ; скоро вы услышите о немъ больше».

Суббота, 21-го іюля 1827.

Сегодня вечеромъ я засталъ Гете за чтеніемъ романа Манцони. «Я уже читаю третій томъ», сказалъ онъ, кладя книгу въ сторону, «и прихожу ко многимъ новымъ взглядамъ. Вы знаете, что Аристотель говоритъ, что хорошая трагедія должна возбуждать *страхъ*. Это относится, однако, не къ

одной трагедіи, но ко многимъ другимъ поэтическимъ произведеніямъ. Вы найдете его въ моемъ *Ботъ и баядеркъ*, вы найдете его во всякой хорошей комедіи, и именно—когда обстоятельства запутаны; вы найдете его даже въ *Семи дъвицахъ въ формѣ*¹⁾, потому что мы не знаемъ, чѣмъ можетъ кончиться шутка. Этотъ страхъ можетъ быть двоякаго рода: онъ можетъ быть боязнью и опасеніемъ. Последнее чувство возбуждается въ насъ, когда мы видимъ, что дѣйствующимъ лицамъ грозитъ нравственное зло и что оно постигаетъ ихъ, напр., въ *Избирательномъ средствѣ*. Боязнъ же возникаетъ въ читателѣ или зрителѣ, когда дѣйствующимъ лицамъ грозитъ физическая опасность, напр. въ *Каторжникахъ*²⁾, или въ *Фрейшютцѣ*; въ сценѣ въ Волчьей долиніѣ мы чувствуемъ не просто боязнъ, но мы какъ бы вполне уничтожаемся³⁾.

«Это-то чувство боязни возбуждаетъ Манцони, и при томъ удивительно удачно; онъ разрѣшаетъ его волненіемъ, и при посредствѣ этого чувства приводитъ насъ въ изумленіе. Чувство боязни зависитъ отъ сюжета и возникнетъ во всякомъ читателѣ; изумленіе порождается тогда, когда мы видимъ, съ какимъ совершенствомъ авторъ въ данномъ случаѣ справляется съ дѣломъ, и это чувство можетъ испытать только знатокъ. Чтò вы скажете объ этой эстетикѣ? Будь я помоложе, я написалъ бы

¹⁾ Переводная съ французскаго комедія съ куплетами.

²⁾ Переводная съ французскаго мелодрама.

³⁾ Толкованіе Гете имѣетъ свое значеніе; но оно не соответствуетъ понятію «трагическаго страха», о которомъ говоритъ Аристотель въ своей *Поэтикѣ*. Ср. мои статьи о драмѣ въ *Русск. Вѣстн.* 1876.

что нибудь на основаніи этой теоріи, хотя бы и не столь объемистое, какъ романъ Манцони.

«Теперь мнѣ чрезвычайно любопытно, что-то скажутъ объ этомъ романѣ сотрудники *Le Globe*; они настолько умны, что поймутъ его достоинства; при томъ вся тенденція романа—вода, вполне пригодная для мельницы этихъ либераловъ, хотя Манцони весьма умѣренныхъ мнѣній. Но французы рѣдко относятся къ произведеніямъ такъ прямо, какъ мы; они неохотно примѣняются къ точкѣ зрѣнія автора; даже у лучшихъ писателей они легко отыскиваютъ вещи, которыя не въ ихъ духѣ и которыя авторъ долженъ бы написать иначе».

Гете рассказалъ мнѣ затѣмъ нѣкоторые эпизоды романа, чтобъ дать понятіе о томъ, въ какомъ родѣ онъ написанъ. «У Манцони надо отмѣтить», сказалъ онъ, «четыре обстоятельства, способствующія совершенству его произведенія. Во первыхъ, онъ превосходный историкъ; его поэма вслѣдствіе этого отличается большимъ достоинствомъ и дѣловитостью, — что ставитъ ее выше всего, что разумѣется обычно подъ именемъ романа. Во вторыхъ, ему оказала услугу католическая религія, давъ ему много поэтическихъ подробностей: ихъ не было бы, будь онъ протестантомъ. Въ третьихъ, онъ много пострадалъ отъ революціонныхъ волненій: хотя онъ самъ и не былъ въ нихъ замѣшанъ, но его друзья попались и нѣкоторые изъ нихъ погибли окончательно. Наконецъ, въ четвертыхъ, роману много помогаетъ и то, что дѣйствіе происходитъ въ прелестныхъ окрестностяхъ Лаго-ди-Комо, впечатлѣніе которыхъ съ юности запечатлѣлось въ его памяти и которыя онъ знаетъ на-изусть. Отсюда происте-

каетъ одно изъ главныхъ достоинствъ романа, именно отчетливость и удивительныя подробности въ изображеніи мѣстности».

Понедѣльникъ, 23-го іюля 1827.

Придя сегодня вечеромъ, около восьми часовъ, къ Гете, я узналъ, что онъ еще не возвращался изъ сада. Я пошелъ ему на встрѣчу, и засталъ его въ паркѣ; онъ сидѣлъ на скамейкѣ подъ тѣнистыми липами со своимъ внукомъ Вольфгангомъ. Гете, казалось, былъ радъ моему приходу и кивнулъ, чтобъ я садился подлѣ. Едва мы обмѣнялись нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями, какъ онъ вновь заговорилъ о Манцони.

— Я говорилъ вамъ недавно, сказалъ онъ,—что въ этомъ романѣ историкъ помогъ нашему поэту, но въ третьей части историкъ зло подшутилъ надъ поэтомъ: г. Манцони вдругъ снялъ нарядъ поэта и на долгое время превратился въ голаго историка. И вдобавокъ это случилось при описаніи войны, голода и чумы; эти вещи и сами по себѣ противны, и становятся просто невыносимы, когда изложены съ обстоятельными подробностями, въ сухомъ лѣтописномъ разсказѣ. Нѣмецкій переводчикъ долженъ постараться уменьшить эту ошибку: для этого ему придется сократить на добрую половину описаніе войны и голода, а чуму на цѣлыхъ двѣ трети, и оставить настолько, насколько въ нихъ участвуютъ дѣйствующія лица. Будь у Манцони другъ, который могъ бы ему посовѣтовать, онъ легко избѣжалъ бы этой ошибки. Но онъ, какъ историкъ, питаетъ черезчуръ большое почтеніе къ дѣйствительности. Это мѣшало ему и въ драматическихъ произведеніяхъ, но тамъ онъ спасался тѣмъ, что

весь излишній историческій матеріалъ помѣщалъ въ примѣчаніяхъ. Въ романѣ же онъ не съумѣлъ, какъ найтись, и не могъ отдѣлаться отъ историческаго запаса. Это весьма странно. Но, какъ только вновь появляются дѣйствующія лица, то поэтъ представляетъ предъ нами во всей своей славѣ и заставляетъ насъ вновь удивляться».

Мы встали и пошли по направленію къ дому.

— Трудно себѣ представить, продолжалъ Гете, — какъ такой поэтъ, какъ Манцони, умѣющій удивительно распоряжаться матеріаломъ, могъ, хотя бы на мгновеніе, прегрѣшить противъ поэзіи. А вещь простая, и вотъ въ чемъ дѣло. Манцони такой же прирожденный поэтъ, какъ Шиллеръ. Но наше время столь плохо, что поэту въ окружающей человѣческой жизни негдѣ встрѣтить подходящей натуры. Чтобъ возвысить себя, Шиллеръ взялся за двѣ великія вещи: за философію и исторію; Манцони за одну исторію. *Валленштейнъ* Шиллера въ своемъ родѣ такъ великъ, что другой равной ему вещи нѣтъ; но вы найдете, что даже эти два могущественные пособника, исторія и философія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказались помѣхой для произведенія и повредили его поэтическому успѣху. Манцони же страдаетъ излишкомъ исторіи.

— Ваше превосходительство, сказалъ я, — высказываете великія вещи, и я счастливъ, что слышу ихъ.

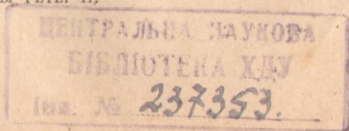
— Манцони помогъ намъ напасть на хорошія мысли, отвѣчалъ Гете.

Среда, 25-го іюля 1827.

Гете на-дняхъ получилъ порадовавшее его письмо Вальтеръ Скотта. Онъ мнѣ показалъ его сегодня; англійскій почеркъ показался ему по мѣстамъ через-

РАЗГОВОРЫ ГЕТЕ. II.

2

чуръ неразборчивымъ, а потому онъ просилъ меня перевести письмо. Кажется, что Гете первый написалъ знаменитому англійскому поэту, и тотъ отвѣчалъ настоящимъ письмомъ. Вальтеръ Скоттъ пишетъ:

«Я чувствую себя весьма почтѣннымъ тѣмъ, что нѣкоторыя мои произведенія были столь счастливы, что привлекли на себя вниманіе Гете, къ почитателямъ котораго я принадлежу еще съ 1798 года, когда, не взирая на мои ограниченные свѣдѣнія въ нѣмецкомъ языкѣ, осмѣлился перевести по англійски *Гетца фонъ-Берлихингенъ*. При этомъ юношескомъ предпріятіи, я совершенно забылъ, что не достаточно чувствовать красоты геніальнаго произведенія, но что для того, чтобъ заставить и другихъ ихъ почувствовать, необходимо основательно знать языкъ, на которомъ оно написано. Впрочемъ, я до извѣстной степени доволенъ и до нынѣ этимъ юношескимъ опытомъ, ибо онъ по крайней мѣрѣ свидѣтельствуеть, что я сумѣлъ выбрать предметъ, достойный удивленія.

«Я часто слышалъ о Васъ, именно отъ моего зятя Локгарта, молодого человѣка, имѣющаго значеніе въ литературѣ, который нѣсколько лѣтъ назадъ, раньше чѣмъ породнился со мною, имѣлъ честь быть представленнымъ отцу нѣмецкой литературы. Невозможно, чтобы въ томъ множествѣ, которое является къ Вамъ для засвидѣтельствованія своего почтенія, вы помнили о каждомъ отдѣльномъ лицѣ; но я увѣренъ, что никто изъ нихъ Вамъ такъ не преданъ, какъ этотъ молодой членъ нашего семейства.

«Мой другъ, сэръ Джонъ Гопъ-офъ-Пинки, недавно имѣлъ честь Васъ видѣть, и я надѣялся написать Вамъ, и впоследствии возымѣлъ дѣйстви-

тельно эту смѣлость при посредствѣ двухъ моихъ родственниковъ, намѣревавшихся отправиться въ Германію; но болѣзнь воспрепятствовала исполненію ихъ намѣренія, и письмо воротилось ко мнѣ навалъ черезъ два, три мѣсяца. Такимъ образомъ, я уже некаль случая познакомиться съ Гете раньше, чѣмъ онъ такъ дружелюбно и лестно для меня вздумалъ обо мнѣ освѣдомиться.

«Всѣ почитатели генія испытываютъ благодатное чувство, зная, что одинъ изъ величайшихъ людей Европы наслаждается въ старости счастливымъ и почетнымъ уединеніемъ, видя къ себѣ великое уваженіе. Бѣдному лорду Байрону, къ сожалѣнію, судьба не удѣлила столь счастливаго жребія: онъ былъ взятъ отъ насъ во цвѣтѣ лѣтъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ исчезло все, что отъ него ждали и надѣялись. Онъ почиталъ себя счастливымъ, видя, какую честь Вы ему оказываете, и чувствовалъ свой долгъ относительно поэта, которому такъ много обязаны всѣ писатели живущаго поколѣнія, что ставятъ себѣ въ обязанность взирать на него съ чувствомъ сыновняго почтенія.

«Я позволилъ себѣ поручить гг. Трейтеллю и Вюрцу ¹⁾ предложить вамъ свой опытъ жизнеописанія того замѣчательнаго человѣка, который въ теченіе столь многихъ лѣтъ оказывалъ такое страшное вліяніе на поработенный имъ міръ. Впрочемъ, не знаю, не обязанъ ли я ему благодарностью за то, что, служа въ одномъ изъ корпусовъ нашей милиціи, двѣнадцать лѣтъ носилъ оружіе и сдѣлался, несмотря на раннюю хромоту, хорошимъ всадникомъ, охотникомъ и стрѣлкомъ. Въ послѣднее время эти

¹⁾ Издатели *Жизни Наполеона*.

таланты, впрочемъ, покинули меня, и ревматизмъ, эта печальная доука нашего сѣвернаго климата, обнаружилъ свое вліяніе на мои члены. Но я не жалуюсь, видя что мои сыновья предаются удовольствіямъ охоты, съ тѣхъ поръ какъ я отъ нея отказался.

«Мой старшій сынъ командуетъ эскадрономъ гусаръ,—что не мало для двадцатипятилѣтняго молодого человѣка. Мой младшій сынъ недавно получилъ въ Оксфордѣ степень бакалавра изящныхъ искусствъ и проведетъ теперь, предъ вступленіемъ въ свѣтъ, нѣсколько мѣсяцевъ дома. Богу было угодно взять у меня ихъ мать, и моимъ хозяйствомъ завѣдуетъ младшая дочь. Старшая уже замужемъ, и у нея своя семья.

«Таковы домашнія обстоятельства человѣка, о которомъ Вы столь любезно освѣдомлялись. Впрочемъ, у меня достаточно средствъ, чтобъ жить согласно моему желанію, несмотря на нѣкоторыя тяжкія потери. Я живу въ отличномъ старомъ замкѣ, гдѣ всякій другъ Гете будетъ желаннымъ гостемъ. Въ моей передней много оружія, которое годилось бы даже для Яксаузена; большой Сень-Бернаръ стережетъ входъ.

«Я впрочемъ забылъ о человѣкѣ, который въ теченіе своей жизни заботился о томъ, чтобъ о немъ не забыли. Надѣюсь, что вы извините ошибки моего сочиненія, принявъ во вниманіе, что авторъ былъ одушевленъ желаніемъ быть справедливымъ къ памяти этого необычайнаго человѣка, насколько ему то позволяли предразсудки островитянина.

«Глужай написать Вамъ представился мнѣ внезапно и неожиданно, благодаря путешественнику, который не терпитъ отлагательства, а потому у меня

нѣтъ времени сказать вамъ что либо больше пожеланія добраго здоровья и спокойствія, и увѣрить Васъ въ моемъ искреннемъ и глубокомъ почтеніи.

Эдинбургъ, 9-го іюля 1827. Вальтеръ Скоттъ».

Это письмо, какъ сказано, доставило большое удовольствіе Гете. Впрочемъ, онъ былъ того мнѣнія, что въ письмѣ было чрезчуръ много лестныхъ выраженій, которыя слѣдовало отнести на счетъ вѣжливости знатнаго и высшаго свѣта человѣка. Онъ замѣтилъ также, что Вальтеръ Скоттъ съ большой сердечностью и простодушіемъ говоритъ о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ, и это сильно радовало его, какъ знакъ братской довѣренности.

«Мнѣ въ самомъ дѣлѣ любопытно прочесть его *Жизнь Наполеона*, о которой онъ пишетъ», продолжалъ Гете. «Я слышалъ объ этой книгѣ много противорѣчивыхъ и страстныхъ отзывовъ, а потому увѣренъ заранѣе, что книга во всякомъ случаѣ замѣчательна».

Я спросилъ Гете, помнитъ ли онъ Локгарта.

«Очень хорошо», отвѣчалъ онъ. «Его личность производитъ рѣшительное впечатлѣніе, и ее не легко забыть. По отзывамъ англійскихъ путешественниковъ и моей невѣстки—этотъ молодой человѣкъ съ литературной будущностью¹⁾. Меня нѣсколько удивляетъ, что Вальтеръ Скоттъ ни слова не говоритъ о Карлейлѣ, который долженъ быть ему извѣстенъ, какъ знатокъ нашей литературы. Въ Карлейлѣ удивительно то, что онъ въ сужденіяхъ о нашихъ нѣмецкихъ писателяхъ постоянно обращаетъ вниманіе на умственную и нравственную основу сочиненія, какъ на самое существенное. Карлейль—нравствен-

¹⁾ Въ 1836 г. онъ издалъ *Жизнь Вальтеръ Скотта*.

ная сила огромнаго значенія. Ему предстоитъ огромная будущность; невозможно предвидѣть ни того, что онъ сдѣлаетъ, ни вліянія, которое онъ будетъ оказывать».

Среда, 26-го сентября 1827.

Ѣздили съ Гете въ Берку ¹⁾. Мы выѣхали въ началѣ девятаго; утро было очень хорошо. Дорога сначала идетъ въ гору; смотрѣть сначала было не на что, и Гете заговорилъ о литературныхъ вещахъ. Одинъ извѣстный нѣмецкій поэтъ на дняхъ проѣзжалъ черезъ Веймаръ, и оставилъ Гете свой альбомъ. «Вы и не повѣрите, какія тамъ все слабыя вещи», сказалъ Гете. «Всѣ поэты пишутъ такъ, что можно подумать, будто они больны и весь міръ — лазаретъ. Всѣ говорятъ о земныхъ страданіяхъ и горѣ, и о радостяхъ *тамъ*; всѣ они недовольны, и каждый старается нагнать недовольство на другого. Это истинное злоупотребленіе поэзіей, которая собственно дана намъ на то, чтобъ сглаживать житейскія невзгоды и примирять людей съ житейскими обстоятельствами. Но нынѣшнее поколѣніе боится всякой настоящей силы; только слабость успокаиваетъ ему душу и возбуждаетъ его къ поэзии. — Я придумалъ словечко, чтобъ посердить этихъ господъ. Я называю ихъ поэзію — *лазаретной*; напротивъ, истинно *тиртейской* поэзіей я называю такую, которая не только воспѣваетъ битвы, но исполняетъ людей мужествомъ для противостоянія въ житейской борьбѣ».

Я вполне сочувствовалъ словамъ Гете.

¹⁾ Берка небольшая деревенька подъ Веймаромъ, въ прелестной долинѣ.

У насъ въ ногахъ стояла плетенная тростниковая корзинка съ двумя ручками, обратившая на себя мое вниманіе.

— Я ее привезъ изъ Мариенбада, сказалъ Гете. — Тамъ дѣлають такія корзинки всѣхъ величинъ, и я такъ къ ней привыкъ, что не могу выѣзжать безъ нея. Вы видите, когда она пуста, то складывается, и занимаетъ немного мѣста; когда она полна, то раздается во всѣ стороны, и въ нее можно уложить больше, чѣмъ кажется. Она мягка и упруга, и притомъ такъ тягуча и крѣпка, что въ ней можно возить самыя тяжелыя вещи.

— Она очень красива, точно античная вещь, сказалъ я.

— Ваша правда; она очень подходитъ къ античнымъ вещамъ, потому что не только устроена умно и цѣлесообразно насколько возможно, но ей придана притомъ простая и пріятная для глаза форма, такъ что можно сказать: она достигла своего совершенства. Она была особенно удобна при моихъ минералогическихъ экскурсіяхъ въ богемскихъ горахъ. Теперь въ ней нашъ завтракъ. Возьми я съ собой молотокъ, то и сегодня я не упустилъ бы случая отбить по кусочку то тамъ, то здѣсь, и наполнить бы ее камешками.

Мы поднялись на гору; открылся видъ на холмы, за которыми лежитъ Берка. Нѣсколько влѣво виднѣлась долина, которая ведетъ къ Гетшбургу, и тамъ, по другую сторону Ильма, мы увидѣли гору, обращенную къ намъ тѣневой стороною; она показалась мнѣ отъ тумана, подымавшагося съ Ильма, голубою. Я посмотрѣлъ на нее въ лорнетъ, и синій цвѣтъ замѣтно ослабѣлъ.

— Изъ этого видно, сказалъ я Гете, — какую

большую роль играет субъектъ при наблюденіи чисто объективныхъ цвѣтовъ. Слабые глаза усиливаютъ туманность воздуха; острое зрѣніе ее разсѣиваетъ, или по крайней мѣрѣ значительно уменьшаетъ.

— Ваше замѣчаніе вполне справедливо, сказалъ Гете,—въ хорошую подзорную трубу разсѣивается синева даже самыхъ далекихъ горъ. Да, роль субъекта въ явленіяхъ важнѣе, чѣмъ думаютъ. Еще Виландъ хорошо это зналъ, потому что обыкновенно говаривалъ: «Можно бы и позабавить людей, будь они сами болѣе способны забавляться».

Черезъ нѣкоторое время, Гете приказалъ каретѣ остановиться.

— Сойдемте-ка и посмотримъ, вкусенъ ли намъ покажется завтракъ на свѣжемъ воздухѣ, сказалъ онъ.

Слуга постелилъ салфетку на одной изъ четырехугольныхъ каменныхъ кучъ, какія ставятся на шоссе, и, вынувъ изъ кареты плетенную корзину, разложилъ бѣлые хлѣбцы, жаренныхъ куропатокъ и огурцы въ уксусѣ. Гете разрѣзалъ куропатку и далъ мнѣ половину. Я ѣлъ стоя и прохаживаясь; Гете же присѣлъ на кучу. Я подумалъ, что для него вовсе не хорошо сидѣть на камнѣ, еще покрытомъ росой, и замѣтилъ ему это; Гете однако сталъ увѣрять, что это ему ничуть не повредитъ; я успокоился, и принялъ его слова за доказательство того, что онъ чувствуетъ себя здоровымъ. Между тѣмъ, слуга досталъ изъ кареты бутылку вина и налилъ намъ. «Нашъ другъ Шульцъ», сказалъ Гете, «не былъ неправъ, выѣзжая разъ въ недѣлю за городъ; мы его возьмемъ за образецъ, и, если только погода продержится, то это будетъ не послѣдней нашей поѣздкой».

Я весьма интересно провелъ съ Гете цѣлый день, отчасти въ Беркѣ, отчасти въ Тондорфѣ. Онъ былъ неистощимъ въ умныхъ рѣчахъ; онъ много говорилъ о второй части *Фауста*, которой началъ заниматься серьезно; къ сожалѣнію, я не внесъ его словъ въ дневникъ.

Среда, 26-го сентября 1827.

Сегодня утромъ Гете пригласилъ меня проѣхать къ Готтельштедту, западной возвышенности Эттерсберга, а затѣмъ въ охотничій замокъ Эттерсбургъ. День былъ превосходный. За Лютцендорфомъ, гдѣ дорога сильно идетъ въ гору, мы могли подвигаться только шагомъ, и намъ представлялось много случаевъ для наблюденія. Гете замѣтилъ на изгороди множество птицъ, и спросилъ меня: не жаворонки ли это. «О великій и возлюбленный!» подумалъ я; «ты какъ немногіе испытывалъ природу, но въ орнитологіи ты, кажется, дитя».

— Это подорожники и воробьи, отвѣчалъ я,—да нѣсколько запоздавшихъ малиновокъ, которыя послѣ линянья спускаются изъ Эттерсбергской чащи въ сады и поля, приговляясь къ отлету; но жаворонковъ тутъ нѣтъ. Не въ природѣ жаворонка садиться на кусты. Полевой жаворонокъ прямо подымается снизу и спускается прямо на землю; осенью они летаютъ стайками надъ землей, и спускаются на сжатое поле, но никогда не садятся на изгородяхъ или кустахъ. Древесный жаворонокъ любитъ вершины высокихъ деревьевъ, откуда онъ съ пѣньемъ подымается въ воздухъ и опускается опять на вершину своего дѣрева. Есть еще видъ жаворонка, онъ встрѣчается въ уединенныхъ мѣстахъ, на южной сторонѣ лѣсныхъ полянокъ; онъ поетъ

очень нѣжно, въ родѣ флейты, но нѣсколько печально. Онъ не держится на Эттерсбергѣ: тутъ слишкомъ оживленно и близко отъ жилья; но и онъ не садится на кусты.

— Гм, сказалъ Гете.—Да вы, кажется, не новичекъ въ этихъ вещахъ.

— Я люблю это дѣло съ раннихъ лѣтъ, отвѣчалъ я; у меня для него всегда отверзты и уши, и глаза. Во всемъ Эттерсбергскомъ лѣсу не много мѣстъ, гдѣ бы я не побывалъ по нѣскольку разъ. Теперь, когда я слышу пѣнье, то прямо могу сказать, какая птица поетъ. Я дошелъ до того, что, если мнѣ теперь принесутъ птичку, которая въ клѣткѣ, вслѣдствіе неправильнаго ухода, потеряла перья, то я увѣренъ, что скоро возвращу ей и здоровье, и перья.

— Изъ этого видно, что вы много работали надъ этимъ, сказалъ Гете,—и я совѣтую вамъ продолжать серьезно заниматься предметомъ; при вашей рѣшительной склонности къ дѣлу, это можетъ повести къ отличнымъ результатамъ. Но расскажите мнѣ о линянѣ. Вы раньше сказали, что запоздавшія малиновки по окончаніи линянья перелетѣли изъ Эттерсбергской чащи въ поля. Происходитъ ли линянье въ извѣстное время, и всѣ ли птицы линяютъ одновременно?

— У большинства птицъ, отвѣчалъ я,—оно начинается тотчасъ, какъ оканчивается выводка дѣтей, именно когда птенцы послѣдняго выводка настолько вырастутъ, что могутъ обходиться безъ родительской помощи. Но требуется, чтобъ отъ послѣдняго выводка до отлета у птицы было достаточно времени для линянья. Если времени довольно, то она линяетъ здѣсь и улетаетъ въ новыхъ перь-

яхъ. Если же времени недостаточно, то птица улетаетъ въ старыхъ перьяхъ и линяетъ позже, на тепломъ югѣ. Птицы прилетаютъ къ намъ весной не одновременно, и осенью улетаютъ также не въ одно и то же время. Это зависитъ отъ того, что для нѣкоторыхъ родовъ холодъ и зима не такъ страшны, и они легче ихъ переносятъ. Но та птица, которая рано прилетаетъ, отлетаетъ поздно; та же, которая поздно прилетаетъ, отлетаетъ рано.—Въ этомъ отношеніи большая разница между славками, хотя всѣ онѣ принадлежатъ къ одному роду. Пѣніе травничка слышно у насъ уже въ мартѣ; черезъ двѣ недѣли прилетаетъ черноголовка, или монахъ; затѣмъ—опять такъ черезъ недѣльку—соловей, и только въ самомъ концѣ апрѣля или началѣ мая—сѣрая славка. Всѣ эти птицы линяютъ у насъ въ августѣ, равно какъ и ихъ птенцы перваго выводка; вотъ почему въ концѣ августа можно уже встрѣтить монаховъ съ черненькой головкой. Птенцы же послѣдняго выводка отлетаютъ въ первыхъ перьяхъ и линяютъ позже, въ южныхъ странахъ; вотъ почему въ началѣ сентября можно встрѣтить молоденькихъ черноголовокъ, и притомъ самцовъ, у которыхъ еще красная головка, какъ у матери.

— Значить, сѣрая славка прилетаетъ къ намъ позже всѣхъ птицъ, или есть и такія, что прилетаютъ еще позже?

— Такъ называемый желтый пересмѣшникъ и великолѣпная золотисто-желтая иволга появляются только около Троицы. Обѣ улетаютъ по окончаніи выводка, около середины августа, и линяютъ со своими птенцами на югѣ. Если ихъ держать въ клѣткѣ, то онѣ у насъ линяютъ зимою, отчего этихъ птицъ очень трудно сохранить. Онѣ требуютъ большого

тепла. Если ихъ подвѣсить къ печкѣ, то онѣ чахнутъ отъ недостатка свѣжаго воздуха; если же ихъ подвѣсить у окна, то имъ вредятъ холода долгихъ ночей.

— Изъ этого можно заключить, сказалъ Гете, — что линяныя болѣзнь, или, по меньшей мѣрѣ, сопровождается тѣлесной слабостью.

— Я этого не скажу. Это состояніе усиленной дѣятельности, которая на свѣжемъ воздухѣ совершается легко, безо всякой тяжести, и у здоровыхъ субъектовъ проходитъ хорошо и въ комнатѣ. У меня были малиновки, которыя во все время линянья не переставали пѣть: знакъ, что онѣ были вполне здоровы. Если-жъ птица во время линянья въ комнатѣ начинаетъ хворать, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что въ чемъ нибудь да есть недостатокъ: въ кормѣ, или свѣжемъ воздухѣ, или въ водѣ. Если птица ослабѣетъ въ комнатѣ отъ недостатка воздуха и свободы, и ей будетъ недостатать жизненной дѣятельности, чтобъ выдержать линянье, то ее слѣдуетъ вынести на свѣжій, здоровый воздухъ, и линянье окончится благополучно. Птицы на волѣ линяютъ такъ спокойно и постепенно, что этого почти не замѣтно.

— Но вы раньше, кажется, сказали, что малиновки на время линянья перебираются въ чашу лѣса.

— На это время, отвѣчалъ я, — имъ, конечно, нужна извѣстная защита. Правда, и въ этомъ случаѣ природа поступаетъ съ такою мудростью и мѣрностью, что птица во время линянья никогда не теряетъ столько перьевъ сразу, чтобъ перестать летать для добычи корма. Однако случается, напри- мѣръ, что у птицы сразу выпадаютъ четвертое, пятое и шестое маховыя перья и на лѣвомъ, и на пра-

вомъ крыльяхъ; при этомъ она можетъ еще порядочно летать, но не настолько, чтобъ улетѣть отъ хищной птицы, особенно отъ быстрого и смѣлаго сокола-дербничка, а потому ей удобнѣе жить въ частыхъ кустахъ.

— Разумѣется, сказалъ Гете.—Но происходитъ ли линянье на обоихъ крыльяхъ равномѣрно и въ известной степени симметрично?

— Да, насколько простираются мои наблюденія. И въ этомъ благоудѣяніе. Потому что, потеряй птица, на примѣръ, не одни и тѣ же перья на правомъ и лѣвомъ крыльяхъ, то при полетѣ она лишится равновѣсія и будетъ не въ состояніи управлять своими движеніями. Она стала бы походить на судно, у котораго на одной сторонѣ слишкомъ тяжелые, а на другой слишкомъ легкіе паруса.

— Я вижу, сказалъ Гете,—что, съ какой бы стороны мы ни подошли къ природѣ, всюду мы встрѣтимъ вѣчную мудрость.

Мы, между тѣмъ, все тяжело подымались въ гору, и наконецъ доѣхали до сосенъ. Мы подѣхали къ мѣсту, гдѣ разбитые камни были сложены въ кучу. Гете приказалъ остановиться; онъ попросилъ меня сойти и посмотрѣть, не найдется ли какихъ окаменѣлостей. Я нашелъ нѣсколько раковинъ и сломанныхъ аммонитовъ и подалъ ихъ ему. Мы поѣхали дальше.

«Вѣчно та же исторія!» сказалъ Гете. «Всюду древнее морское дно! Если съ этой высоты посмотрѣть внизъ на Веймаръ и окрестныя деревни, то иному покажется чудомъ, когда ему скажутъ, что было такое время, когда во всей этой обширной долинѣ плавали киты. А между тѣмъ, такъ оно и было; по крайней мѣрѣ, въ высшей степени вѣроятно.

Но чайка, летавшая въ то время надъ моремъ, покрывавшимъ эту гору, конечно, не думала о томъ, что мы здѣсь будемъ ѣхать сегодня на лошадахъ. А кто знаетъ, не будетъ ли вновь летать чайка, черезъ многія тысячи лѣтъ, надъ этой горой?»

Теперь мы взобрались на гору и быстро поѣхали впередъ. На право отъ насъ стояли дубы, буки и другія лиственные деревья. Веймара позади уже не было видно. Мы достигли западной вершины, и предъ нами, освѣщенная утреннимъ солнцемъ, лежала обширная долина Унтрута, усѣянная деревнями и небольшими городками.

— Здѣсь отлично! сказалъ Гете, приказавъ остановиться.—Посмотримъ, какъ намъ понравится завтракъ на свѣжемъ воздухѣ.

Мы встали и походили нѣсколько минутъ подъ на половину выросшими, изувѣченными бурями дубками, пока Фредерикъ накрывалъ завтракъ на небольшомъ зеленомъ пригоркѣ. Видъ съ этого мѣста, при утренемъ освѣщеніи яснаго осенняго солнца, былъ въ самомъ дѣлѣ великолѣпный. На югъ и югозападъ виднѣлся цѣлый рядъ Тюрингскихъ горъ; на западъ, черезъ Эрфуртъ, виденъ былъ высоколежащій замокъ Гота и Инзельбергъ; на сѣверъ, вдали,—голубоватыя горы Гарцъ. Мнѣ вспомнились стихи:

Взглядъ необъятный, но чудный,
Взглядъ открывающій жизнь,—
Вдаль, внизъ и вверхъ черезъ горы,
Вѣчный проносится духъ
Съ предчувствіемъ вѣчной жизни¹⁾.

Мы усѣлись спиной къ дубкамъ, и такимъ образомъ во время завтрака у насъ передъ глазами былъ

¹⁾ По переводу Огарева. Изъ оды: *Дядя Кроносу*.

обширный видъ на половину Тюрингскихъ горъ. Мы съѣли пару куропатокъ со свѣжимъ бѣлымъ хлѣбомъ и выпили бутылку хорошаго вина, вдобавокъ изъ складной золотой чарки, которую Гете возилъ всегда съ собою на прогулки, въ футлярѣ изъ желтой кожи.

— Я часто бывалъ здѣсь, сказалъ Гете, — и въ послѣдніе годы очень часто думалъ, что уже въ послѣдній разъ люблюсь отсюда на царство здѣшняго міра и его величіе. Но я все еще держусь, и надѣюсь, что и сегодня не въ послѣдній разъ мы проведемъ здѣсь денекъ. Мы въ будущемъ станемъ почаше пріѣзжать сюда. Въ узкомъ домашнемъ кругу какъ-то закисаешь. Здѣсь же чувствуешь себя большимъ и свободнымъ, какъ великая природа, которая у насъ передъ глазами, а такимъ надо быть всегда. Я отсюда вижу множество мѣстъ, съ которыми связаны самыя богатые воспоминанія моей долгой жизни. Чего я только не продѣлывалъ въ юности въ горахъ Ильминау! А тамъ внизу, въ миломъ Эрфуртѣ, какихъ только приключеній я не пережилъ! Въ молодыхъ годахъ бывалъ я также часто и охотно въ Готѣ, а вотъ уже много лѣтъ и вовсе не былъ.

— Я не помню, чтобъ вы были тамъ съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Веймарѣ, замѣтилъ я.

— На то есть своя причина, смѣясь отвѣчалъ Гете. — Я тамъ на худомъ счету. Я расскажу вамъ объ этомъ цѣлую исторію. Когда мать нынѣ царствующаго государя была еще молодой и красивой женщиной, я ѣздилъ туда очень часто. Разъ вечеромъ я сидѣлъ съ нею одинъ за чайнымъ столомъ, какъ оба принца, красивые бѣлокурые мальчики десяти и двѣнадцати лѣтъ, вбѣжали въ комнату и

подошли къ столу. Съ свойственной мнѣ одному шаловливостію, я запустилъ обоимъ принцамъ руки въ волосы и спросилъ: «Ну, вы, пшеничныя головы ¹⁾), что вы подѣлываете?» Мальчики поглядѣли на меня большими глазами, чрезмѣрно удивленные моей смѣлостію, — и ужъ не могли потомъ простить мнѣ этого! — Я вовсе не хочу этимъ хвастать, но такъ оно было и таковъ я по природѣ: я никогда не чувствовалъ почтенія къ званію принца, какъ таковому, если къ нему не присоединялась истинно человѣческая натура и человѣческое достоинство. Мнѣ такъ по себѣ въ своей собственной шкурѣ, и я чувствую себя такимъ важнымъ человѣкомъ, что, если бы меня сдѣлали принцемъ, то я бы не очень тому удивился. Когда мнѣ дали дворянство, то многіе думали, что я почувствую, какъ чрезъ то возвышенъ. И, между нами, я ничего не почувствовалъ, ровно ничего. Мы, франкфуртскіе патриціи, считали себя всегда равными дворянамъ, и, взявъ дипломъ въ руки, я подумалъ, что получилъ то, что давно ужъ имѣлъ.

Выпивъ изъ золотого бокала, мы отправились дальше, на сѣверную сторону Эттерсберга, въ охотничій замокъ Эттерсбургъ. Гете приказалъ отворить комнаты, увѣшанныя гобленами и картинами. Въ западной угольной комнатѣ перваго этажа онъ сказалъ мнѣ, что тутъ жилъ одно время Шиллеръ. «Въ старыя годы, сказалъ онъ, — мы тутъ прожили много хорошихъ дней. Мы всѣ были молоды и полны отваги, и лѣтомъ затѣвали всякаго рода импровизированные спектакли, а зимой — танцы и катанье въ саняхъ съ факелами».

¹⁾ Въ подлинникѣ: *Semmelkörpe*, собственно: съ головами цвѣта пшеничнаго хлѣба.

Мы вновь вышли на воздухъ, и Гете повелъ меня по тропинкѣ въ лѣсъ, по направленію къ западу.

«Я хочу вамъ показать букъ, на которомъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ мы вырѣзали наши имена», сказалъ онъ. «Но какъ тутъ все измѣнилось, и какъ все разрослось! Вотъ и дерево! Видите, оно еще въ полной красѣ. И наши имена можно еще отыскать, хотя кора такъ разбухла и разрослась, что ихъ едва замѣтно. Тогда этотъ букъ стоялъ тутъ одинъ на сухой площадкѣ. Вокругъ было и солнечно, и прелестно, и мы тутъ лѣтомъ въ хорошую погоду разыгрывали наши импровизированныя шутки. Теперь здѣсь и сыро, и непріютно. Что тогда было низкими кустами, теперь выросло въ тѣnistыя деревья, и великолѣпнаго бука нашей юности почти не видно изъ-за чащи».

Мы снова вошли въ замокъ и, осмотрѣвъ богатое собраніе оружія, отправились назадъ въ Веймаръ.

Четвергъ, 27-го сентября 1827.

Сегодня Гете говорилъ со мною о новомъ выпускѣ *Искусства и Древности*, а равно о двѣнадцати листахъ, на которыхъ братья Рипенгаузенъ воспроизвели въ абрисахъ карандашемъ, согласно описанію Павзанія, картины Полиглота въ Лесхѣ въ Дельфахъ¹⁾. Гете не находилъ словъ для похвалы.

Понедѣльникъ, 1-го октября 1827.

Въ театрѣ *Портретъ* Гоувальда. Просмотрѣвъ два акта, я пошелъ къ Гете, который прочелъ мнѣ вторую сцену своего новаго *Фауста*.

¹⁾ Гете писалъ объ этой реставраціи въ *Ленской литературной газетѣ*.

«Въ лицѣ императора», сказалъ онъ, «я хотѣлъ изобразить государя, который обладаетъ всѣми возможными качествами, чтобъ лишиться своихъ владѣній, — что позже ему дѣйствительно и удастся. Ему и заботы нѣтъ до благосостоянія государства и его подданныхъ; онъ думаетъ только о себѣ и о томъ, чѣмъ бы новымъ ему позабавиться изо дня въ день. Въ странѣ нѣтъ ни права, ни справедливости; судьи участвуютъ въ преступленіяхъ и становятся на сторону преступниковъ; самыя неслыханныя злодѣянія совершаются невозбранно и безнаказанно. Войску не выдаютъ жалованья; дисциплины нѣтъ; солдаты грабятъ, чтобъ добыть деньги и прожить какъ придется. Казна безъ денегъ, и нѣтъ надежды на дальнѣйшіе доходы. Въ собственномъ хозяйствѣ императора дѣла обстоятъ не лучше: нѣтъ ни кухни, ни погреба. Гофмаршалу съ каждымъ днемъ приходится все плоше, онъ въ рукахъ у ростовщиковъ-жидовъ, которымъ все заложилъ: къ императорскому столу идетъ уже съѣденный хлѣбъ. Государственный совѣтъ желаетъ сдѣлать представленіе его величеству относительно всѣхъ этихъ бѣдствій и совѣщаться, какъ помочь имъ; но всемилостивѣйшему государю вовсе не желательно склонить свой высокій слухъ къ такимъ непріятнымъ вещамъ: онъ предпочитаетъ чѣмъ нибудь развлечься. Тутъ настоящая стихія Мефистофеля, который быстро устраняетъ прежнихъ шутовъ и, въ качествѣ новаго шута и совѣтника, приближается къ императору».

Гете великолѣпно прочелъ сцену и ропотъ толпы, который раздается по временамъ. Я прекрасно провелъ вечеръ.

Воскресенье, 7-го октября 1827.

Сегодня утромъ, еще не было восьми часовъ, какъ я уже сидѣлъ съ Гете въ каретѣ и мы ѣхали по дорогѣ въ Іену, гдѣ онъ хочетъ пробыть до завтрашняго вечера. Погода была великолѣпная.

Прибывъ туда въ свое время, мы прямо отправились въ ботаническій садъ, гдѣ Гете осмотрѣлъ неѣ кусты и растенія, и все нашелъ въ прекрасномъ порядкѣ все росло отлично. Затѣмъ мы осмотрѣли минералогическій кабинетъ и нѣкоторыя другія естественноисторическія собранія, и затѣмъ отправились къ г. Кнебелю ¹⁾, который ждалъ насъ къ обѣду. Кнебель, уже преклонный старикъ, полуспотыкаясь вышелъ на встрѣчу Гете и обнялъ его. За обѣдомъ все было сердечно и весело; впрочемъ, разговоръ былъ незначителенъ. Для стариковъ было достаточно того, что они снова свидѣлись. Послѣ обѣда мы поѣхали прогуляться въ южномъ направленіи, по берегамъ Заала. Я видѣлъ эти чудныя мѣста и раньше, но они вновь произвели на меня такое впечатлѣніе, какъ будто я ихъ никогда не видалъ. Когда мы вернулись въ городъ, то Гете приказалъ ѣхать вдоль ручья и остановиться у дома вовсе незамѣчательной наружности.

«Здѣсь жилъ Фоссъ», сказалъ онъ, «и я хочу ввести васъ на эту классическую почву». Мы перешли домъ и вышли въ садъ. Цвѣтовъ и какихъ нибудь рѣдкихъ растеній въ немъ не было; лужайка была просто обсажена плодовыми деревьями. «Это имѣло значеніе для Эрнестины», сказалъ Гете; —

¹⁾ Умеръ въ 1834, девяноста лѣтъ. Онъ писалъ стихи и прекрасно перевелъ Проперція и Лукреція.

«она и здѣсь не могла забыть своихъ чудныхъ эйтинскихъ яблокъ, и расхваливала мнѣ ихъ, какъ несравнимые. Но то были яблоки ея дѣтства, — и въ этомъ вся суть! Я, впрочемъ, провелъ здѣсь съ Фоссомъ и его славной Эрнестиной много хорошихъ дней, и люблю вспоминать о старыхъ дняхъ. Такого человѣка, какъ Фоссъ, не скоро встрѣтишь. Немногіе имѣли такое вліяніе на высшую нашу образованность. Все въ немъ было здорово и крѣпко, а потому онъ относился и къ грекамъ не искусственно, а прямо, естественно, и для насъ произросли отъ этого великолѣпные плоды. Кто знаетъ такъ хорошо, какъ я, его достоинства, тотъ не знаетъ, какъ достаточнымъ образомъ почитать его память».

Между тѣмъ, было уже шесть часовъ, и Гете нашелъ, что время намъ отправляться на ночлегъ, въ гостинницу *Медвѣдь*. Намъ отвели большую комнату съ альковомъ, гдѣ стояли двѣ кровати. Мы могли еще немного посумерничать. Гете снова завелъ рѣчь о Фоссѣ. «Я его очень цѣнилъ», сказалъ онъ, «и охотно удержалъ бы здѣсь ради университета и себя. Но выгоды, которыя ему предлагали въ Гейдельбергѣ, были очень значительны, и мы не могли возмѣстить ихъ при нашихъ ограниченныхъ средствахъ. Я съ горестью долженъ былъ отпустить его... Счастье, что у меня тогда былъ Шиллеръ. Какъ ни различны были наши натуры, направленіе у насъ было одно, и оно до того сближало наши отношенія, что въ сущности ни одинъ изъ насъ не могъ жить безъ другого».

Затѣмъ Гете разсказалъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ о своемъ другѣ, которые показались мнѣ весьма характерными.

«Шиллеръ, какъ легко предположить по его величественному характеру, былъ рѣшительнымъ врагомъ всякихъ пороженныхъ чувствованій и всякихъ пустыхъ обожаній, которыя ему воздавали или желали воздать. Когда Котнебу вздумалъ устроить публичную демонстрацію своей славы, то Шиллеру стало такъ противно, что онъ чуть не заболѣлъ отъ отвращенія. Также не любилъ онъ посѣщеній постороннихъ людей. Когда что нибудь ему мѣшало принять тотчасъ-же посѣтителя, то онъ назначалъ ему придти въ четыре часа послѣ обѣда, и ужъ всегда, отъ сильнаго ожиданія, заболѣвалъ къ назначенному часу. Въ подобныхъ случаяхъ онъ бывалъ порою весьма не въ духѣ, даже грубъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ рѣзко онъ встрѣтилъ пріѣзжаго хирурга, который, безъ предварительнаго извѣщенія, прямо явился съ визитомъ; тотъ, несчастный, былъ такъ озадаченъ, что не зналъ, какъ ему поскорѣй убраться¹⁾».

«Мы съ нимъ, при всемъ единствѣ направленія, были весьма несхожи по натурѣ, и не только въ умственномъ, но и въ физическомъ отношеніи. Запахъ, благотѣльно дѣйствовавшій на Шиллера, для меня былъ ядомъ. Я разъ зашелъ къ нему; его не было дома, но его жена сказала мнѣ, что онъ скоро вернется; я присѣлъ къ его столу, чтобъ

¹⁾ «Разъ, когда я былъ у Шиллера, постучали въ дверь. Шиллеръ вскочилъ и отворилъ двери. Посѣтителемъ оказался молодой берлинскій хирургъ, весьма приличный; онъ спросилъ, можетъ ли имѣть великую честь и удовольствіе быть принятымъ знаменитымъ Шиллеромъ. Шиллеръ рѣзко отвѣчалъ ему: «Я Шиллеръ; сегодня вамъ нельзя его видѣть»... и, потѣснивъ посѣтителя, онъ ему подъ носомъ захлопнулъ дверь». (*Переписка и Разговоры съ Гете, Грюнера*).

кое-что набросать. Я недолго просидѣлъ, какъ почувствовалъ, что меня одолѣваетъ дурнота, и все сильнѣе, такъ что, наконецъ, я чуть не упалъ въ обморокъ. Сначала я не зналъ, чему приписать это изумительное, необыкновенное для меня состояніе, пока не замѣтилъ, что изъ выдвижного ящика подлѣ меня выходитъ одуряющій запахъ. Когда я его выдвинулъ, то къ удивленію увидѣлъ, что онъ полонъ гнилыхъ яблокъ. Я мигомъ отошелъ къ окну и сталъ вдыхать свѣжій воздухъ, и тотчасъ же почувствовалъ себя хорошо. Между тѣмъ, жена Шиллера снова вошла въ комнату, и сказала, что въ ящикѣ всегда лежатъ гнилыя яблоки, что запахъ ихъ здоровъ для Шиллера, и что онъ безъ него не можетъ ни жить, ни работать.—Завтра утромъ, добавилъ Гете, я покажу вамъ, гдѣ Шиллеръ жилъ въ Тенѣ».

Внесли свѣчи, мы немного закусили, и потомъ еще посидѣли, разговаривая и вспоминая о разныхъ вещахъ. Я рассказалъ Гете объ удивительномъ снѣ, который видѣлъ въ дѣтствѣ, и который на другой день буквально исполнился.

— У меня были три коноплянки, за которыми я ухаживалъ отъ всей души, и любилъ ихъ больше всего. Онѣ жили на свободѣ въ моей комнаткѣ; летѣли мнѣ на встрѣчу, какъ я входилъ въ дверь, и садились на руку. Разъ со мной случилось несчастье: когда я входилъ въ комнату, одна изъ птичекъ ускользнула и куда-то улетѣла. Я искалъ ее весь день на всѣхъ крышахъ, и вечеромъ, не найдя ее слѣдовъ, былъ безутѣшенъ. Въ сердечномъ смущеніи, я наконецъ заснулъ, и подъ утро увидѣлъ слѣдующій сонъ. Именно, мнѣ приснилось, будто я обхожу сосѣдніе дома и ищу пропавшую

птичку. Вдругъ я слышу ея голосокъ и вижу, что она сидитъ позади садика около нашей хижины на крышѣ у сосѣда; вижу я, какъ ее подманиваю и какъ она ко мнѣ приближается, какъ она въ ожиданіи корма помахиваетъ крылышками, но не можетъ рѣшиться перелетѣть ко мнѣ на руку. Затѣмъ я вижу, будто быстро бѣгу черезъ садикъ въ свою комнатку и беру тамъ чашку съ моченымъ рѣпнымъ сѣменемъ; вижу, какъ подставляю ей любимый кормъ, какъ она слетаетъ на мою руку и я въ полной радости приношу ее въ комнату, къ ея подругамъ. Съ этимъ я проснулся. Былъ уже почти полный день; я на-скоро одѣлся, и поспѣшно побѣжалъ черезъ садъ къ дому, гдѣ видѣлъ птицу во снѣ. Каково же было мое удивленіе, когда птица тамъ дѣйствительно оказалась. И затѣмъ все буквально случилось, какъ во снѣ. Я поманилъ ее; она приблизилась, но боялась слетѣть мнѣ на руку. Я побѣжалъ домой, захватилъ кормъ, и птичка слетѣла мнѣ на руку, и я снесъ ее къ товаркамъ.

— Ваше дѣтское воспоминаніе, конечно, въ высшей степени замѣчательно. Но подобное вполнѣ въ природѣ вещей, хотя мы и не находимъ ему объясненія. Мы всѣ бродимъ среди тайнъ. Мы окружены атмосферой, о которой ровно ничего не знаемъ, что въ ней дѣлается и въ какомъ отношеніи она находится къ нашему духу. Извѣстно только, что въ нѣкоторыхъ особыхъ состояніяхъ, чувствительныя нити нашей души могутъ преступать свои тѣлесныя границы и предчувствовать, даже вполнѣ видѣть, ближайшее будущее ¹⁾).

¹⁾ Въ *Поэзии и Правдѣ* Гете рассказываетъ о подобномъ видѣніи. Онъ простился съ Фредерикой, и разлука съ нею сильно его опечалила: «Когда я потихоньку удалялся отъ де-

— Нѣчто подобное, сказалъ я, — случилось со мною недавно; я возвращался съ прогулки по эрфуртскому шоссе, и въ десяти минутахъ отъ Веймара мнѣ вдругъ представилось, будто я около театра встрѣчаю человѣка, котораго не видалъ уже съ годъ и о которомъ давно вовсе не вспоминалъ. Это меня обезпокоило, и я не мало подивился, когда, оглябая театръ, встрѣтилъ этого самаго человѣка именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за десять минутъ онъ мнѣ представился въ мечтѣ.

— Это также весьма замѣчательно, и болѣе чѣмъ случай, замѣтилъ Гете.—Повторяю, мы всѣ бродимъ ощупью посреди тайнъ и чудесъ. Равнымъ образомъ, одна душа можетъ оказывать сильное вліяніе на другую просто въ силу своего присутствія, — чему я могъ бы привести много примѣровъ. Со мной очень часто случалось, что когда, гуляя съ хорошимъ знакомымъ, я съ живостью думалъ о чемъ нибудь, то онъ начиналъ говорить именно о томъ, о чемъ я думалъ. Зналъ я также одного человѣка, который, не говоря ни слова, просто силою воли, могъ заставить вдругъ умолкнуть цѣлое общество посреди веселаго разговора. Онъ могъ также

ревни, я увидѣлъ, но не тѣлесными, а разумными очами, всадника, который по той же тропинкѣ ѣхалъ въ Зезенгеймъ; этотъ всадникъ былъ я самъ; я былъ одѣтъ въ сѣрое платье, обшитое золотыми галунами, какового я никогда не носилъ; я потрясъ головой, чтобъ прогнать эту галлюцинацію; и больше ничего не видѣлъ. Странно, что восемь лѣтъ спустя, я очутился на этой самой дорогѣ, чтобъ отдать визитъ Фредерикъ и въ томъ же платьѣ, какъ въ видѣніи; я долженъ прибавить что одѣлся такъ не по волѣ, а случайно. Читатели пусть думаютъ, что имъ угодно объ этомъ странномъ видѣніи... оно мнѣ показалась пророческимъ, и я убѣдился изъ него, что увижу вновь свою возлюбленную».

вызвать во всѣхъ смущеніе, такъ что всѣмъ стало-
вилось не по себѣ.—Во всѣхъ насъ есть извѣстныя
электрическія и магнетическія силы, которыя дѣй-
ствуютъ, какъ магнитъ, притягательнымъ или оттал-
кивающимъ образомъ, смотря по тому, — приходимъ ли
мы въ столкновение съ чѣмъ либо подобнымъ, или
противоположнымъ. Возможно, даже вѣроятно, что,
если-бъ молодая дѣвушка, того не зная, находи-
лась въ темной комнатѣ съ человѣкомъ, который
хотѣлъ бы ее убить, то она бы почувствовала скры-
тымъ образомъ его присутствіе и на нее напала бы
тоска, которая заставила бы ее выйти изъ комнаты
и присоединиться къ домашнимъ.

— Я вспоминаю сцену изъ оперы, сказалъ я, —
гдѣ двое влюбленныхъ послѣ долгой и далекой
разлуки, вдругъ, сами того не зная, встрѣчаются въ
темной комнатѣ. Вскорѣ начинаетъ обнаруживаться
магнетическая сила; каждый чувствуетъ присутствіе
другого, и ихъ безсознательно тянетъ другъ къ
другу, и немного спустя молодая дѣвушка уже въ
объятіяхъ молодого человѣка.

— Между влюбленными эта магнетическая сила
особенно сильна, и дѣйствуетъ даже на разстояніи.
Въ молодости со мною было нѣсколько случаевъ,
когда, при уединенныхъ прогулкахъ, я чувствовалъ
сильное влеченіе къ любимой дѣвушкѣ, и думалъ
о ней до тѣхъ поръ, пока она дѣйствительно не
приходила. «Мнѣ было не по себѣ въ своей ком-
наткѣ», говорила она, «я не могла удержаться и
пошла сюда». Я вспоминаю также случай, который
былъ, когда я жилъ здѣсь; я вскорѣ влюбился.
Мнѣ пришлось сдѣлать большое путешествіе, и я
уже воротился нѣсколько дней, но придворныя отно-
шенія, которыя меня часто задерживали до поздней

ночи, все мѣшали мнѣ сходить къ возлюбленной. Притомъ, наша склонность уже обратила на себя вниманіе постороннихъ, и поэтому я опасался идти къ ней днемъ, чтобъ не увеличить толковъ. Но на четвертый или пятый вечеръ я не могъ сдержаться, и раньше чѣмъ подумалъ, уже шелъ къ ней и очутился передъ ея домомъ. Я тихонько взошелъ по лѣстницѣ и уже хотѣлъ войти къ ней въ комнату, какъ услышалъ разные голоса: знакъ, что она была не одна. Я незамѣтно спустился внизъ и вышелъ на темную улицу, потому что въ то время освѣщенія еще не было. Безпокойно и въ страстномъ настроеніи, бродилъ я около часу по городу, по всѣмъ направленіямъ, и возвращался постоянно къ ея дому, полный тоскливыхъ думъ. Я уже хотѣлъ воротиться въ свою одинокую комнату, какъ еще разъ прошелъ мимо ея дома и замѣтилъ, что въ окнѣ нѣтъ свѣта. Она ушла, сказалъ я самому себѣ, но куда же въ эту тьму? и гдѣ мнѣ найти ее? Я еще разъ пошелъ по всѣмъ улицамъ: мнѣ многіе встрѣчались, и я часто ошибался, думая что вижу женщину ея фигуры и роста, но, подойдя ближе, видѣлъ, что то не она. Я и тогда уже твердо вѣрилъ въ взаимодѣйствіе и въ то, что сильнымъ желаніемъ могу привлечь ее къ себѣ. Я вѣрилъ также, что окруженъ невидимыми существами, и я умолялъ ихъ направить мои шаги къ ней, а ея ко мнѣ. Чтò ты за глупецъ! сказалъ я опять самому себѣ; ты не хочешь еще разъ попытаться и пойти къ ней, а требуешь знаменій и чудесъ! Между тѣмъ, я пришелъ на эспланаду и подошелъ къ небольшому домику, гдѣ потомъ жилъ Шиллеръ; тутъ мнѣ пришлось въ голову пойти назадъ ко дворцу и тамъ повернуть въ небольшую улицу направо. Едва

сдѣлалъ я сто шаговъ въ этомъ направленіи, какъ увидѣлъ, что мнѣ на встрѣчу приближается женская фигура, очень похожая на мою желанную. Улица освѣщалась весьма слабо свѣтомъ отъ тѣхъ или другихъ оконъ; я уже не разъ ошибался въ этотъ вечеръ видимымъ сходствомъ съ нею, а потому у меня не хватило смѣлости заговорить съ ней наугадъ. Мы прошли мимо другъ друга такъ близко, что задѣли руками; я остановился и осмотрѣлся; она также. «Вы ли это?» спросила она, и я узналъ милый голосъ. «Наконецъ-то!» сказалъ я, и заплакалъ отъ радости. Мы схватили другъ друга за руки. «Ну», сказалъ я, «надежда не обманула меня. Я искалъ васъ съ великимъ желаніемъ; сердце мнѣ говорило, что я васъ встрѣчу, и теперь я счастливъ и благодарю Бога, что такъ оно и вышло». — Но вы злой, сказала она, отчего вы не приходили? Я сегодня случайно узнала, что вы здѣсь уже три дня, я проплакала все послѣ обѣда: я думала, что вы ужъ забыли меня. Но часъ назадъ, мной овладѣло такое желаніе и такое безпокойство на вашъ счетъ, что я право не умѣю выразить. У меня были знакомыя и, казалось, просидѣли цѣлую вѣчность. Наконецъ, когда онѣ ушли, я невольно схватила шляпу и мантилью: меня что-то влекло на воздухъ, въ темную ночь, сама не знаю куда. И все время вы не выходили у меня изъ головы: и я ни о чемъ не думала, какъ о томъ, что встрѣчу васъ». Между тѣмъ какъ она говорила это ото всего сердца, мы все держались за руки, и жали другъ другу руки, и поняли, что разлука не охладила нашей любви. Я проводилъ ее до дверей, до дому. Она пошла впередъ по темной лѣстницѣ, и все держала меня за руку, и я бессознательно по-

дымался за ней. Моего счастья нельзя описать; я радовался, что наконецъ увидѣлъ ее, и что моя вѣра въ заочное вліяніе не обманула меня».

Гете былъ въ самомъ любвеобильномъ настроеніи; я былъ готовъ слушать его еще цѣлые часы. Но мало-по-малу онъ сталъ чувствовать усталость, и мы улеглись въ постель.

Іена, понедѣльникъ, 8-го октября 1827 г.

Мы поднялись рано. Пока одѣвались, Гете разсказалъ мнѣ, что видѣлъ во снѣ, будто онъ въ Геттингенѣ и ведетъ разные разговоры съ тамошними знакомыми профессорами. Мы выпили по нѣскольку чашекъ кофе, и тотчасъ же отправились въ зданіе, гдѣ хранятся естественноисторическія коллекціи. Мы осмотрѣли анатомическій кабинетъ, скелеты нынѣшнихъ и ископаемыхъ животныхъ, также скелеты людей прошлыхъ столѣтій, причемъ Гете замѣтилъ что, судя по зубамъ, они принадлежали къ весьма нравственной породѣ. Затѣмъ, мы отправились на обсерваторію, гдѣ г. Dr. Шренъ показывалъ и объяснялъ намъ болѣе значительные приборы. Мы осмотрѣли также съ особымъ интересомъ смежный метеорологическій кабинетъ, и Гете похвалилъ Dr. Шрена за господствующій всюду большой порядокъ.

Затѣмъ мы спустились въ садъ, гдѣ Гете приказалъ приготовить завтракъ на каменномъ столѣ въ бесѣдкѣ. «Вы, конечно, не знаете», сказалъ онъ, «на какомъ замѣчательномъ мѣстѣ мы теперь находимся. Здѣсь жилъ Шиллеръ. Въ этой самой бесѣдкѣ, за этимъ столомъ, на этихъ едва живыхъ теперь скамьяхъ мы часто сиживали-съ нимъ, и об-

мѣнивались хорошими и великими словами. Ему тогда было за тридцать, а мнѣ за сорокъ; оба мы были въ полной силѣ, а это что нибудь да стоило! Все проходить и преходить; я уже не тотъ, чѣмъ былъ, но земля все выдерживаетъ, и воздухъ, и вода, и почва все тѣ же. Подымитесь-ка опять вверхъ со Шреномъ, и попросите показать вамъ комнату въ мансардѣ, гдѣ жилъ Шиллеръ».

Мы, между тѣмъ, на свѣжемъ воздухѣ и въ такомъ хорошемъ мѣстѣ, оказали честь завтраку; Шиллеръ соприсутствовалъ съ нами, по крайней мѣрѣ въ нашихъ душахъ, и Гете посвятилъ много добрыхъ словъ любовному о немъ воспоминанію. Я затѣмъ поднялся со Шреномъ въ мансардѣ, и наслаждался великолѣпнымъ видомъ изъ Шиллеровыхъ оконъ. Они выходили прямо на югъ, и видно было на цѣлые часы пути, какъ течетъ рѣка, скрываясь порою за кустами и извилинами. Горизонтъ былъ обширный. Отсюда можно великолѣпно наблюдать восходъ и закатъ планетъ; нельзя не замѣтить, что здѣсь было очень удобно писать всѣ астрономическія и астрологическія разговоры въ *Валленштейнѣ*.

Я спустился внизъ, и мы отправились съ Гете къ г. придворному совѣтнику Дэберейнеру, котораго онъ очень цѣнитъ; онъ показалъ Гете нѣсколько новыхъ химическихъ опытовъ. Между тѣмъ насталъ полдень. Мы сѣли въ карету. «По моему», сказалъ Гете, «лучше чѣмъ обѣдать въ *Медвѣдѣ*, мы проведемъ этотъ великолѣпный вечеръ на вольномъ воздухѣ. По моему, хорошо сѣздить въ Бургау. Вино у насъ есть, а тамъ мы во всякомъ случаѣ добудемъ хорошей рыбы, которую намъ сварятъ или сжарятъ».

Мы такъ и сдѣлали, и вышло великолѣпно. Мы поѣхали вверхъ по берегу Заала, по прелестной дорогѣ, которую я раньше видѣлъ изъ Шиллерова мансарда. Вскорѣ мы приѣхали въ Бургау. Мы пристали въ небольшой гостинницѣ, недалеко отъ моста, который ведетъ въ Лобеду; этотъ городокъ былъ виденъ черезъ лугъ. Въ гостинницѣ все произошло, какъ сказалъ Гете. Хозяйка извинилась, что у нея нѣтъ ничего готового, но что въ супѣ и хорошей рыбѣ недостатка не будетъ. Передъ обѣдомъ, мы пошли прогуляться по солнышку на мостъ и любовались на рѣку; подъ мостомъ погонщики проводили сосновые плоты, и, не смотря на трудную и мокрую работу, были веселы и крикливы. Мы пообѣдали рыбой на вольномъ воздухѣ и потомъ посидѣли за бутылкой, ведя добрую бесѣду о разныхъ вещахъ.

Мимо насъ пролетѣлъ небольшой соколъ, весьма похожій по виду и величинѣ на кукушку.

— Было время, когда изученіе естественныхъ наукъ настолько отстало, сказалъ Гете,—что всюду было распространено мнѣніе, будто кукушка только лѣтомъ бываетъ кукушкой, а зимой превращается въ хищную птицу.

— Этотъ взглядъ по нынѣ живетъ въ народѣ, отвѣчалъ я. — Про нее распускаютъ также слухъ, будто она, какъ выростетъ, то пожираетъ своихъ воспитателей. Поэтому ее выставляютъ, какъ примѣръ отвратительной неблагодарности. Я знаю и теперь людей, которые еще вѣрятъ этимъ нелѣпостямъ; и они вѣрують въ нихъ столь же крѣпко, какъ въ члены христіанскаго символа.

— Насколько мнѣ извѣстно, кукушекъ причисляютъ къ дятламъ.

— Да, часто, отвѣчалъ я,—и вѣроятно потому, что два пальца ея слабыхъ ногъ направлены кзади. Я, впрочемъ, не отнесъ-бы ея къ этому семейству. У нея нѣтъ настолько твердаго клюва, чтобъ она могла долбить, какъ дятель, древесную кору; у нея нѣтъ также заостренныхъ къ концу и твердыхъ хвостовыхъ перьевъ, которыя поддерживали бы ее при такой работѣ. На пальцахъ у нея нѣтъ необходимыхъ для такого образа жизни острыхъ когтей, а потому я полагаю, что у нея ноги вовсе не такія, какъ у лазуновъ, а только похожи на нихъ.

— Господа орнитологи, сказалъ Гете,—уже рады, если имъ удастся приткнуть куда-нибудь птицу, обладающую какими-либо особенностями; напротивъ, природа поступаетъ по своему и мало заботится о дѣленіяхъ, созданныхъ ограниченнымъ человеческимъ умомъ.

— Такъ и соловья причисляютъ къ славкамъ, сказалъ я,—хотя по живости природы, по движеніямъ и образу жизни, онъ болѣе похожъ на дроздовъ. Но и къ дроздамъ его причислить нельзя. Онъ стоитъ между ними, онъ самъ по себѣ, какъ и кукушка; словомъ—птица съ рѣзко выраженными особенностями.

— Все, что я слышалъ о кукушкѣ, сказалъ Гете, внушаетъ мнѣ огромный интересъ къ этой странной птицѣ. У нея въ высшей степени загадочная натура; она—открытая тайна, которую не легче разрѣшить оттого, что она открыта. А въ сколькихъ вещахъ мы находимся въ такомъ же точно положеніи! Полные изумленія, мы становимся въ тупикъ, и самое послѣднее, какъ и самое лучшее, скрыто отъ насъ. Возьмите только пчелъ. Мы видимъ, какъ онѣ летаютъ за медомъ, на цѣлые часы пути, и всегда

только извѣстное время въ данномъ направленіи. То онѣ летаютъ цѣлую недѣлю на западъ, на поле, гдѣ цвѣтетъ свекла. Затѣмъ, втеченіе такого же времени на сѣверъ, гдѣ цвѣтетъ верескъ. Потомъ въ другомъ направленіи, къ цвѣтамъ гречихи. То куда-нибудь, гдѣ зацвѣлъ клеверъ. И наконецъ, опять въ другомъ направленіи, на цвѣтушія липы. Кто говоритъ имъ: летите-ка теперъ туда: тамъ есть кой-что для васъ, а теперъ вотъ туда: тамъ есть кое-что новое? И кто указываетъ имъ путь назадъ, въ ихъ деревню и улей? Онѣ летаютъ всюду, точно на невидимыхъ привязяхъ; но почему именно—мы не знаемъ. Такъ же и жаворонокъ. Онъ взлетаетъ съ пѣсней надъ колосистымъ полемъ; онъ носится надъ моремъ стеблей: вѣтеръ качаетъ ихъ туда и сюда; они, какъ волны, похожи одинъ на другой; птичка возвращается къ своимъ птенцамъ и безъ ошибки попадаетъ на то маленькое мѣстечко, гдѣ ея гнѣздо. Всѣ эти видимыя вещи ясны для насъ, какъ Божій день, но ихъ внутренняя, духовная связь скрыта отъ насъ.

— То же и относительно кукушки, сказалъ я. — Мы знаемъ, что сама она не сидитъ на яйцахъ, но кладетъ ихъ въ гнѣзда другихъ птицъ. Мы знаемъ далѣе, что она кладетъ ихъ въ гнѣзда славки, желтой трясогузки, черноголовки, затѣмъ въ гнѣзда варакушки, снѣгирия и королька. Мы знаемъ также, что всѣ эти птицы насѣкомоядныя; сама кукушка также насѣкомоядная, и ея птенцовъ не можетъ вскормить зерноядная птица. Но почему-же узнаетъ кукушка, что всѣ эти птицы питаются насѣкомыми, между тѣмъ какъ всѣ онѣ сильно различаются и по виду, и по окраскѣ перьевъ, а равно по голосу и по тому, какъ зовутъ птенцовъ? Далѣе,

отчего кукушка ввѣряетъ свои яйца и своихъ нѣжныхъ птенцовъ гнѣздамъ, елико возможно различнымъ и по строенію, и по температурѣ, по сухости и влажности? Славка строить легкое гнѣздо изъ тоненькихъ травяныхъ стебельковъ и нѣсколькихъ конскихъ волосковъ; его проникаетъ холодъ, въ него проходитъ воздухъ, оно ничѣмъ не защищено и открыто сверху; но кукуленокъ выводится въ немъ превосходно. Королекъ, напротивъ, крѣпко и плотно строить гнѣздо изъ моха, стеблей и листьевъ, и внутри старательно выкладываетъ его всякой шерстью и перьями, такъ что въ него и струйка воздуха не проникнетъ. Оно сверху закрыто и со свободомъ, и оставлена только маленькая дырочка для входа и выхода маленькой птички. Въ теплые іюньскіе дни, кажется, въ такомъ закрытомъ гнѣздѣ жарко до удушья. Но и въ немъ превосходно выводится кукуленокъ. У желтой трясогузки опять иное гнѣздо. Она живетъ у воды, у ручьевъ, во всякой сырости; гнѣздо строить на сырыхъ нивахъ, въ ситникѣ. Она вырываетъ ямку въ сырой землѣ и бѣдно выстилаетъ ее нѣсколькими травинками, и кукуленокъ высиживается и вырастаетъ въ сырости и холодѣ. И опять-таки вырастаетъ отлично. Но что жь это за птица, для которой съ самаго нѣжнаго возраста равно пригодны и сырость, и сушь, и жаръ и холодъ, которые оказались бы смертельными для всякой другой птицы? И почему старая кукушка знаетъ это, когда сама, выросши, становится очень чувствительна и къ сырости, и къ холоду?

— И здѣсь передъ нами тайна, сказалъ Гете.— Но скажите, пожалуйста, если вамъ случалось наблюдать, какимъ образомъ кукушка кладетъ яйцо

въ гнѣздо королька, когда въ немъ такое маленькое отверстіе, что ей нельзя ни влѣзть въ него, ни сѣсть на него?

— Она кладетъ яйцо гдѣ-нибудь на сухомъ мѣстѣ и потомъ несетъ въ клювъ. Я полагаю даже, что такъ она кладетъ яйца не только въ гнѣздо королька, но и въ другія. Потому что гнѣзда и другихъ насѣкомоядныхъ, если они и открыты сверху, то на столько малы и такъ тѣсно окружены вѣтвями, что большой долгохвостой кукушкѣ на нихъ не сѣсть. Это, впрочемъ, еще ничего, но отчего кукушка кладетъ такія чрезвычайно маленькія яйца, какъ яички маленькихъ насѣкомоядныхъ птицъ? Вотъ новая загадка, которой не разрѣшить; можно только ей удивляться. Яйцо кукушки только чуть больше яйца малиновки; да оно, впрочемъ, и не должно быть больше, потому что высиживаютъ его маленькія птички. Все это прекрасно и разумно. Однако, то обстоятельство, что природа, дабы быть мудрой въ этомъ отдѣльномъ случаѣ, отступаетъ отъ великаго закона, въ силу котораго есть опредѣленное отношеніе между величиною яицъ и птицъ, отъ колибри до страуса,—такое обстоятельство, повторяю, существуетъ какъ-бы исключительно для того, чтобъ насъ поражать и приводить въ изумленіе.

— Конечно, это поражаетъ насъ потому, что наша точка зрѣнія слишкомъ мала и мы не можемъ обозрѣвать совокупности вещей, сказалъ Гете.—Будь намъ больше открыто, вѣроятно и эти видимыя отступленія мы сумѣли бы подвести подъ общій законъ. Но продолжайте и рассказывайте. Извѣстно ли, сколько яицъ можетъ положить кукушка?

— Кто вздумалъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ опредѣленно, сдѣлалъ бы большую глупость. Птица

очень подвижна: она то здѣсь, то тамъ. Въ отдѣльныхъ гнѣздахъ встрѣчается всегда только по одному кукушечьему яйцу. Она навѣрно кладетъ нѣсколько; но кто скажетъ, куда именно, и кто услѣдитъ за нею? Положимъ, однако, что она кладетъ пять яицъ, и что изо всѣхъ пяти выйдутъ птенцы и будутъ вскормлены пріемными родителями, то опять придется удивляться, что природа рѣшается для того, чтобъ взростить пятирхъ кукушекъ, принести въ жертву *пятьдесятъ* птенцовъ лучшихъ пѣвчихъ птицъ.

— Въ подобныхъ случаяхъ, сказалъ Гете, —природа не бываетъ разсчетлива. Ей приходится расточать большой запасъ жизни, и порой она совершаетъ это безъ особой думы. Но отчего зависитъ, что на воспитаніе кукуленка требуется столько птенцовъ пѣвчихъ птицъ?

— Во первыхъ, первый выводокъ пропадаетъ. Если птенцы пѣвчей птички вылупятся изъ яйца, какъ обыкновенно и случается, одновременно съ кукуленкомъ, то родители бываютъ до того рады рожденію большой птицы и чувствуютъ къ ней такую пѣжность, что только о ней и думаютъ, только ее и кормятъ, отчего ихъ собственные птенцы погибаютъ. Далѣе, кукуленокъ очень прожорливъ и требуетъ столько корма, что маленькія насѣкомоядныя птицы едва успѣваютъ доставлять его. Проходитъ долгое время, пока онъ совершенно вырастетъ и оперится, и будетъ въ состояніи оставить гнѣздо и взлетѣть на вершину дерева. Но и вылетѣвъ изъ гнѣзда, онъ еще долго требуетъ корма, и пріемнымъ родителямъ приходится ухаживать за своимъ большимъ ребенкомъ цѣлое лѣто, и имъ ужъ некогда думать о второй выводкѣ птенцовъ. Вотъ по-

чему изъ-за одного кукуленка погибаетъ много другихъ птенцовъ.

— Это очевидно; но скажите, правда-ли, что, когда кукуленокъ вылетитъ изъ гнѣзда, то его кормятъ и другія птицы, которыя его не высиживали? Мнѣ помнится, я слышалъ нѣчто подобное.

— Такъ оно и есть, отвѣчалъ я.—Какъ только кукуленокъ вылетитъ изъ низкаго гнѣзда и усядется на вершинѣ высокаго дуба, онъ начинаетъ куковать, какъ будто извѣщая, что онъ тутъ. Всѣ маленькія птички по сосѣдству, слышавъ этотъ крикъ, являются къ нему на поклонъ. Является славка и черноголовка, взлетитъ желтая трясогузка и даже королекъ, который всегда забивается въ низкія изгороди и густые кусты, и тотъ, превозмогая свою природу, подымается къ своему любимому приѣмышу на вершину высокаго дуба. Та пара, которая его вскормила, питаетъ его постоянно, другія-же только по временамъ приносятъ ему по кусочку.

— Такимъ образомъ оказывается, что маленькія насѣкомоядныя птички любятъ кукулять?

— Онѣ такъ ихъ любятъ, что, если подойдешь близко къ гнѣзду, гдѣ есть кукуленокъ, то приѣмные родители не знаютъ, что дѣлать отъ испуга, страха и заботы о немъ. Особенно черноголовка приходитъ при этомъ въ отчаяніе, до того, что въ судоргахъ падаетъ на-земь.

— Странная вещь, но все-таки понятная. Но мнѣ кажется въ высшей степени загадочнымъ то, что, напримѣръ, пара славокъ, задумавъ высидѣть своихъ собственныхъ птенцовъ, позволяетъ старой кукушкѣ приблизиться къ своему гнѣзду и положить въ него яйцо.

— Это, дѣйствительно, загадочное явленіе, отвѣчалъ я,—но не совсѣмъ. Именно вслѣдствіе того, что всѣ маленькія насѣкомоядныя птички кормятъ вылетѣвшаго изъ гнѣзда кукуленка,—что его кормятъ даже тѣ, которыя его не высиживали, и истекаетъ между ними родъ родства; онѣ уже ранѣе знаютъ другъ друга и смотрятъ другъ на друга, какъ на членовъ одной большой семьи. Можетъ даже случиться, что та самая кукушка, которую въ прошломъ году вскормила пара славокъ, въ нынѣшнемъ году и положить имъ яйцо.

— Все это можно допустить, хотя тутъ много и непонятнаго. Но чудо въ томъ, что кукуленка кормятъ и тѣ птички, которыя его не высиживали и не воспитывали.

— Конечно, это чудо, сказалъ я;—но встрѣчаются подобныя тому вещи. Я даже предполагаю, что въ этомъ отношеніи существуетъ законъ, глубоко проникающій всю природу. Я поймалъ разъ молоденькую коноплянку, которая была уже настолько велика, что позволяла себя кормить людямъ, но сама по себѣ еще не умѣла питаться. Я промучался съ нею полъ дня; мнѣ это наскучило, и я посадилъ ее къ старой коноплянкѣ, отличной пѣвичкѣ, которая у меня уже больше года сидѣла въ клѣткѣ и была подвѣшена снаружи, у окна. Я подумалъ, что птенчикъ, увидавъ, какъ ѣстъ старая, пойдетъ къ корму и станетъ ей подражать. Но случилось иное: онъ открылъ передъ старой ротъ и, просительно запищавъ, помахалъ крылышками; старая коноплянка тотчасъ же сжалилась надъ нимъ, и стала кормить его, какъ будто онъ былъ ея ребенкомъ. Затѣмъ мнѣ принесли сѣрую малиновку и трехъ птенцовъ; я посадилъ ихъ всѣхъ въ одну большую

клѣтку, и старая кормила ихъ. На слѣдующій день мнѣ принесли двухъ только что вылетѣвшихъ изъ гнѣзда соловьевъ, и я посадилъ ихъ къ малиновкѣ; она ихъ приняла и выкормила. Потомъ, черезъ нѣсколько дней я поставилъ къ ней гнѣздо почти окрылившихся варакушекъ,—и затѣмъ еще гнѣздо съ пятью молоденькими черноголовками. И всѣхъ ихъ приняла малиновка, и заботилась о нихъ, какъ родная мать. У нея клювъ былъ вѣчно полонъ муравьиныхъ яицъ, и она поспѣвала во всѣ углы огромной клѣтки; гдѣ только открывался голодный ротокъ, тамъ и она. Того не довольно. Одна изъ подросшихъ между тѣмъ молоденькихъ малиновокъ стала также кормить птенчиковъ; правда, она это дѣлала играючи и по дѣтски, но уже съ яснымъ желаніемъ подражать своей удивительной матери.

— Тутъ предъ нами нѣчто божественное, сказалъ Гете, — и оно повергаетъ меня въ радостное изумленіе. Если бъ дѣйствительно это выкармливанье чужихъ дѣтенышей было общимъ закономъ природы, то оно разъяснило-бы многое загадочное, и можно бы съ убѣжденіемъ сказать, что Богъ жалѣетъ вопіющихъ къ нему воронять.

— Мнѣ кажется, что существуетъ подобный общій законъ, отвѣчалъ я,—потому что я наблюдалъ и у птицъ на волѣ такое вскармливаніе другихъ и чувство состраданія. Я поймалъ прошлымъ лѣтомъ близъ Тифурта двухъ молоденькихъ корольковъ, которые, вѣроятно, только что выпорхнули изъ гнѣзда: они сидѣли рядкомъ, въ кустѣ, на вѣткѣ съ семью своими братцами, и старики кормили ихъ. Я завернулъ птенчиковъ въ шелковый платокъ, и отправился дальше. Наконецъ, въ небольшомъ лѣскѣ, я подумалъ, что могу спокойно осмотрѣть своихъ

плѣнниковъ. Но, когда я развернулъ платокъ, то оба улетѣли и затерялись въ кустахъ и травѣ, и всѣ мои поиски не привели ни къ чему. На третій день я случайно проходилъ по этому самому мѣсту, и, заслышавъ призывный крикъ снѣгирия, подумалъ, что вблизи есть гнѣздо; послѣ нѣкоторыхъ поисковъ, я дѣйствительно открылъ его. Но какъ же я былъ удивленъ, увидѣвъ въ гнѣздѣ, сверхъ почти окрылившихся снѣгирьковъ, еще и обоихъ моихъ корольковъ: они чувствовали себя совершенно какъ дома, и старые снѣгири кормили ихъ. Я былъ въ высшей степени радъ своей находкѣ. Ну, подумалъ я про себя, если вы такъ умны, и сѹмѣли такъ прекрасно устроиться, а добрые снѣгири сѹмѣли вамъ оказать помощь, то я не стану разрушать такихъ дружественныхъ отношеній; напротивъ, желаю вамъ всевозможнаго благополучія.

— Это однѣ изъ лучшихъ орнитологическихъ исторій, какія мнѣ только приходилось слышать! сказалъ Гете.—Продолжайте, и я прокричу «многи лѣта» и вамъ, и вашимъ удачнымъ наблюденіямъ. Кто слышитъ это и не вѣруетъ въ Бога, тому не помогутъ ни Моисей, ни пророки. Вотъ чтò я зову вездѣсущіемъ Божиимъ: Онъ всюду распространяетъ и насаждаетъ частицы своей безконечной любви, и еще въ животномъ проявляется въ видѣ почки тó, что въ благородномъ человѣкѣ распускается, какъ цвѣтокъ. Продолжайте свои наблюденія и изученія!.. Они, повидимому, доставляютъ вамъ особое наслажденіе, и могутъ привести къ неоцѣненнымъ результатамъ.

Пока мы сидѣли за столомъ на вольномъ воздухѣ и разговаривали о важныхъ и глубокихъ предметахъ, солнце стало склоняться за западныя вер-

шины, и Гете нашелъ, что пора намъ отправляться назадъ. Мы переѣхали Іену и, расплатившись въ *Медвѣдь*, заѣхали ненадолго къ Фроманну и крупной рысью поскакали въ Веймаръ.

Четвергъ, 18-го октября 1827.

Здѣсь Гегель, котораго лично Гете цѣнить очень высоко, хотя и не чувствуетъ вкуса къ плодамъ, порожденнымъ его философіей. Въ честь его Гете пригласилъ сегодня гостей «на чай», при чемъ присутствовалъ и Целтеръ, намѣревавшійся уѣхать нынче же въ ночь. Много говорили о Гаманнѣ ¹⁾, при чемъ рѣчь держалъ по преимуществу Гегель, который развивалъ на счетъ этого чрезвычайнаго ума человѣка столь основательные взгляды, какіе могутъ быть послѣдствіемъ только самаго серьезнаго и сознательнаго изученія предмета. Затѣмъ заговорили о сущности діалектики.

— Въ сущности діалектика, сказалъ Гегель, — ничто иное, какъ упорядоченный и методически развитый духъ противорѣчія, врожденный всякому человѣку; этотъ даръ обнаруживается великимъ образомъ въ различеніи правильнаго и важнаго.

— Да, сказалъ Гете, — если бъ только такимъ умственнымъ искусствомъ и умѣlostью не злоупотребляли столь часто и не прилагали къ тому, чтобъ ложное представлять правдивымъ, и правдивое ложнымъ.

— Это, конечно, случается, возразилъ Гегель, — но только у умственно-больныхъ людей.

¹⁾ Гаманнъ, именуемый «сѣвернымъ волхвомъ», одинъ изъ предшественниковъ золотого вѣка нѣмецкой литературы; писатель весьма туманный, но богатый мыслями.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Гете, — я радуюсь, что занимался изученіемъ природы, не допускающимъ такой болѣзни! При этомъ мы имѣемъ дѣло съ безконечной и вѣчной правдой, и всякій, кто не вполне чисто и честно производитъ наблюденія и дѣлаетъ изъ нихъ заключенія, выбрасывается вонъ, какъ негодный. И я увѣренъ, что многія діалектическія болѣзни получаютъ благодѣтельное цѣленіе въ изученіи природы.

Мы еще проводили время въ хорошихъ и веселыхъ разговорахъ, какъ Цельтеръ всталъ и вышелъ, не говоря ни слова. Мы знали, что ему тяжело прощаться съ Гете, и что онъ поступилъ такъ, чтобъ избѣжать непріятнаго мгновенія.

1828.

Вторникъ, 11-го марта 1828.

Ужъ нѣсколько недѣль, какъ мнѣ не здоровится. Я дурно сплю, и съ вечера до утра вижу безпокойные сны; я вижу себя въ самыхъ различныхъ состояніяхъ, веду всяческіе разговоры со знакомыми и незнакомыми, спорю и вздорю, и все представляется мнѣ съ такой живостью, что я на утро помню всѣ мелочи. Я нѣсколько разъ жаловался Гете на свое нездоровье, и онъ постоянно совѣтовалъ мнѣ обратиться къ врачу.

— Ваша болѣзнь, конечно, не особенно серьезна, говорилъ онъ. — Вѣроятно, какое нибудь небольшое засореніе, которое пройдетъ отъ нѣсколькихъ ста-

кановъ минеральной воды или отъ небольшого приема соли. Но не запускайте ее, лѣчитесь немедленно.

Я думалъ, что Гете правъ, и твердилъ про себя, что онъ правъ; но мной овладѣвали нерѣшительность и нежеланье, и я по прежнему дурно проводилъ ночи и дни, и не лѣчился. Сегодня послѣ обѣда я пришелъ къ Гете опять далеко не веселымъ и не бодрымъ; его взяла наконецъ досада, и онъ сталъ иронически подсмѣиваться надо мною.

— Вы второй Шэнди, сказалъ онъ, —отецъ знаменитаго Тристрама; онъ полъ-жизни ворчалъ на то, что дверь скрипитъ, и не могъ рѣшиться устранить свою повседневную досаду при помощи двухъ капель масла. Но мы всѣ таковы! Судьба человѣка зависитъ отъ его затемнѣнія или просвѣтлѣнія. Намъ необходимо, чтобъ насъ ежедневно велъ на поводу демонъ, и говорилъ намъ, что дѣлать, и побуждалъ насъ на дѣло. Но, какъ только добрый духъ оставить насъ, такъ мы засыпаемъ и бродимъ ощупью въ потемкахъ. Вотъ Наполеонъ былъ молодецъ! У него всегда въ головѣ было свѣтло и ясно; всегда онъ былъ рѣшителенъ и во всякое время у него было достаточно энергіи, чтобъ привести въ дѣйствіе то, что онъ считалъ выгоднымъ и необходимымъ. Его жизнь была шествіемъ полубога отъ битвы къ битвѣ и отъ побѣды къ побѣдѣ. Про него можно сказать, что онъ находился въ состояніи непрерывнаго просвѣтлѣнія; оттого и судьба его была такъ блистательна, какой міръ не видалъ раньше, и, вѣроятно, и не увидитъ больше. Да, да, мой добрый, онъ былъ молодецъ, но мы, конечно, не сумѣемъ подражать ему.

Гете ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; я же сидѣлъ за столомъ, съ котораго уже все убрали,

кромѣ остатка вина да нѣсколькихъ бисквитъ и плодовъ.

Гете сталъ угощать меня. «Правда», сказалъ онъ, «вамъ не заблагоразсудилось быть нашимъ гостемъ за обѣдомъ, но стаканчикъ этого подарка добрыхъ друзей будетъ вамъ на пользу!» Я принялъ его угощеніе, а Гете, въ возбужденномъ состояніи духа, продолжалъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, бормоча про себя и отъ времени до времени произнося непонятныя слова.

То, что онъ сказалъ про Наполеона, не выходило у меня изъ головы, и мнѣ хотѣлось навести разговоръ на тотъ же предметъ.

— Мнѣ кажется однако, сказалъ я,—что Наполеонъ находился въ состояніи непрерывнаго просвѣтлѣнія особенно въ свои молодые годы, когда онъ былъ полонъ силъ; тогда ему сопутствовали и Божья помощь, и постоянное счастье. Но въ позднѣйшіе годы—его, кажется, оставило и это просвѣтлѣніе, а равно и счастье, и счастливая звѣзда.

— Еще бы! сказалъ Гете.—И я не дважды писалъ любовныя пѣсни и *Вертера*. Это божественное просвѣтлѣніе, чрезъ которое происходитъ все чрезвычайное, всегда въ связи съ молодостью и производительностью, а Наполеонъ былъ однимъ изъ самыхъ производительныхъ людей, какіе когда-либо существовали. Да, да, мой добрый, не только тѣ производятъ, кто пишетъ поэмы и пьесы; есть еще производительность дѣяній, и она, во многихъ случаяхъ, превосходитъ другія. Даже врачъ можетъ быть производителемъ, если онъ дѣйствительно излѣчиваетъ; если же этого нѣтъ, и ему удастся только кой-что случайно, то все его дѣло—пачкотня.

— Вы, кажется, замѣтилъ я,—называете въ этомъ

случаѣ производительностью то, что обычно зовутъ геніальностью.

— Это очень близкія между собою вещи, отвѣчалъ Гете.—И что такое геніальность, какъ не производительная сила, при помощи коей возникаютъ дѣла, которымъ не стыдно проявиться передъ Богомъ и природой, и которыя поэтому и должовѣчны, и влекутъ за собою послѣдствія? Всѣ произведенія Моцарта принадлежать къ такимъ; въ нихъ есть производительная сила, которая дѣйствуетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, и ее не скоро исчерпають и истратятъ. То же самое можно сказать о другихъ великихъ композиторахъ и художникахъ. Развѣ Фидій и Рафаэль не оказывали дѣйствія на послѣдующіе вѣка, равно какъ Дюреръ и Гольбейнъ? Тотъ, кто открылъ впервые формы и отношенія старогерманскаго творчества, чрезъ что съ теченіемъ времени стали возможны и страсбургскій мюнстеръ, и кельнскій соборъ,—былъ также геній, потому что его мысли заключали въ себѣ производительную силу, и дѣйствуютъ до нынѣшняго часа. Лютеръ обладалъ также значительной геніальностью; онъ оказываетъ свое дѣйствіе уже много дней, и нельзя предвидѣть числа дней, послѣ чего въ далекихъ столѣтіяхъ онъ перестанетъ быть производительнымъ. Лессингъ отклонялъ отъ себя высокое званіе генія¹⁾, но его продолжающееся вліяніе свидѣлствуетъ противъ него самого. Напротивъ, въ литературѣ имѣются другія, и притомъ значительныя имена, которыя, пока они были живы, причислялись

¹⁾ Въ концѣ *Гамбургской Драматургіи*. Онъ приписывалъ достоинство своихъ пьесъ своимъ критическимъ способностямъ, а не генію, «этому живому ключу, который собственной своей силой бьетъ вверхъ».

къ великимъ геніямъ, но ихъ вліяніе окончилось съ ихъ жизнью, и оказалось что они были меньшими величинами, чѣмъ думали и они сами, и другіе¹⁾. Ибо, повторяю, нѣтъ генія безъ непрерывной производительной силы, и притомъ все равно, какимъ бы дѣломъ, искусствомъ или ремесломъ кто ни занимался. Пусть одинъ оказывается геніальнымъ въ наукѣ, какъ Овенъ и Гумбольдтъ, другой въ войнѣ и управленіи государствомъ, какъ Фридрихъ, Петръ Великій и Наполеонъ, а третій пишетъ пѣсни, какъ Беранже, — это все равно и сводится только къ тому: живучи ли и долго ли способны жить его мысли, взгляды, дѣла. — Къ этому я долженъ еще прибавить: производительность человѣка не опредѣляется *массой* произведеній или дѣлъ. У насъ въ литературѣ были поэты, которые считались весьма производительными, потому что выдавали томы стиховъ, одинъ за другимъ. По моему мнѣнію, этихъ людей слѣдуетъ назвать совершенно непроизводительными, ибо въ томъ, что они дѣлали, нѣтъ ни жизни, ни долговѣчности. Гольдсмитъ, напротивъ, написалъ такъ мало поэмъ, что о числѣ ихъ и говорить не стоитъ; однако, я долженъ причислить его къ весьма производительнымъ поэтамъ, и именно потому, что въ томъ немногомъ, что имъ написано, есть жизнь, которая имѣетъ способность продлиться.

Настало молчаніе; Гете продолжалъ ходить взадъ и впередъ. Мнѣ было любопытно услышать еще кое-

¹⁾ Карлейль гдѣ-то замѣтилъ, что слишкомъ большая слава при жизни *сжигаетъ* посмертную. Онъ приводитъ примѣръ одного итальянскаго поэта, котораго при жизни чуть не боготворили: цѣлые города торжественно выходили ему на встрѣчу. Я запомнилъ его имя, но еслибъ и назвалъ его, то оно оказалось бы для читателя пустымъ звукомъ. Д. А.

что объ этомъ важномъ предметѣ, и я думалъ, какъ бы заставить Гете разговориться снова.

— Зависитъ ли такая геніальная производительность единственно только отъ духа замѣчательнаго человѣка, или также и отъ тѣла? спросилъ я.

— Тѣло, по крайней мѣрѣ, отвѣчалъ Гете, — имѣетъ на нее весьма большое вліяніе. Было время, когда въ Германіи генія представляли себѣ маленькимъ, слабымъ, даже горбатенькимъ; но я люблю геніевъ, у которыхъ и тѣло крѣпкое. Когда о Наполеонѣ говорятъ, что онъ былъ будто изъ гранита, то это справедливо, особенно относительно его тѣла. Чего онъ только отъ себя не требовалъ, и чего не выносилъ! Отъ палящихъ песковъ сирійскихъ пустынь до московскихъ снѣжныхъ полей—какое безчисленное множество переходовъ, битвъ и ночныхъ бивуаковъ! Какія тягости, какія тѣлесныя лишенія пришлось ему при этомъ вынести! Недостатокъ сна, недостатокъ питанія, и при этомъ постоянная возбужденная умственная дѣятельность! 18-го брюмера, при всѣхъ усиліяхъ, при всемъ раздраженіи, онъ ничего не ѣлъ до полуночи; и, не думая нисколько о подкрѣпленіи тѣла, онъ чувствовалъ себя еще въ силахъ составить глубокою ночью свою извѣстную прокламацію къ французскому народу. Если взвѣсить все, что онъ сдѣлалъ и вытерпѣлъ, то придешь къ заключенію, что къ сорока годамъ въ немъ не было здороваго кусочка; однако въ этомъ возрастѣ онъ былъ еще вполне герой. Но вы вполне правы: самая блестящая часть его дѣяній приходится на молодые годы. Что нибудь да значило для человѣка темнаго происхожденія и въ такое время, когда всѣ способности были приведены въ движеніе, выдвигаться на столько, чтобъ двадцати шести лѣтъ стать

кумиромъ народа въ тридцать милліоновъ. Да, да, мой добрый: чтобъ свершить великое, надо быть молодымъ. И Наполеонъ не единственный примѣръ тому!

— Его братъ, Луціанъ, замѣтилъ я, — также выдвинулся въ очень молодыхъ годахъ. Онъ былъ уже президентомъ пятисотъ и затѣмъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, когда ему едва исполнилось двадцать пять лѣтъ.

— При чемъ тутъ Луціанъ? Исторія насчитываетъ сотни способныхъ людей, которые съ великой славою отличились въ юномъ возрастѣ, какъ въ тиши кабинета, такъ и на полѣ сраженія. Будь я государемъ, съ живостью продолжалъ Гете, — то я никогда бы не назначалъ на первыя мѣста людей, которые подвигались мало по малу впередъ, въ силу рожденія или старшинства, и въ старости медленно и спокойно идутъ по привычной колесѣ, причемъ, конечно, ничего толковаго не выйдетъ. Я бы выдвинулъ *молодыхъ* людей, — но они должны быть талантливы, вооружены яснымъ умомъ и энергіей, и при этомъ обладать доброй волей и благороднѣйшимъ характеромъ. Тогда бы пріятно было царствовать и вести впередъ свой народъ! Но гдѣ государь, которому выпало счастье имѣть такихъ слугъ!... Я возлагаю большія надежды на наслѣднаго принца прусскаго¹⁾. По всему, что я знаю и слышу о немъ, онъ очень замѣчательный человѣкъ, а это необходимо, чтобъ умѣть узнавать и выбирать способныхъ и талантливыхъ людей. Что бы тамъ ни говорили, а равный познается только равнымъ, и только тотъ

¹⁾ Впослѣдствіи король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, ум. въ 1862 г.

что объ этомъ важномъ предметѣ, и я думалъ, какъ бы заставить Гете разговориться снова.

— Зависитъ ли такая геніальная производительность единственно только отъ духа замѣчательнаго человѣка, или также и отъ тѣла? спросилъ я.

— Тѣло, по крайней мѣрѣ, отвѣчалъ Гете, — имѣетъ на нее весьма большое вліяніе. Было время, когда въ Германіи генія представляли себѣ маленькимъ, слабымъ, даже горбатенькимъ; но я люблю геніевъ, у которыхъ и тѣло крѣпкое. Когда о Наполеонѣ говорятъ, что онъ былъ будто изъ гранита, то это справедливо, особенно относительно его тѣла. Чего онъ только отъ себя не требовалъ, и чего не выносилъ! Отъ палящихъ песковъ сирійскихъ пустынь до московскихъ снѣжныхъ полей—какое безчисленное множество переходовъ, битвъ и ночныхъ бивуаковъ! Какія тягости, какія тѣлесныя лишенія пришлось ему при этомъ вынести! Недостатокъ сна, недостатокъ питанія, и при этомъ постоянная возбужденная умственная дѣятельность! 18-го брюмера, при всѣхъ усиліяхъ, при всемъ раздраженіи, онъ ничего не ѣлъ до полуночи; и, не думая нисколько о подкрѣпленіи тѣла, онъ чувствовалъ себя еще въ силахъ составить глубокою ночью свою извѣстную прокламацію къ французскому народу. Если взвѣсить все, что онъ сдѣлалъ и вытерпѣлъ, то придешь къ заключенію, что къ сорока годамъ въ немъ не было здороваго кусочка; однако въ этомъ возрастѣ онъ былъ еще вполне герой. Но вы вполне правы: самая блестящая часть его дѣяній приходится на молодые годы. Что нибудь да значило для человѣка темнаго происхожденія и въ такое время, когда всѣ способности были приведены въ движеніе, выдвигаться на столько, чтобъ двадцати шести лѣтъ стать

кумиромъ народа въ тридцать миллионовъ. Да, да, мой добрый: чтобъ свершить великое, надо быть молодымъ. И Наполеонъ не единственный примѣръ тому!

— Его братъ, Луціанъ, замѣтилъ я, — также выдвинулся въ очень молодыхъ годахъ. Онъ былъ уже президентомъ пятисотъ и затѣмъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, когда ему едва исполнилось двадцать пять лѣтъ.

— При чемъ тутъ Луціанъ? Исторія насчитываетъ сотни способныхъ людей, которые съ великой славою отличились въ юномъ возрастѣ, какъ въ тиши кабинета, такъ и на полѣ сраженія. Будь я государемъ, съ живостью продолжалъ Гете, — то я никогда бы не назначалъ на первыя мѣста людей, которые подвигались мало по малу впередъ, въ силу рожденія или старшинства, и въ старости медленно и спокойно идутъ по привычной колѣѣ, причемъ, конечно, ничего толковаго не выйдетъ. Я бы выдвинулъ *молодыхъ* людей, — но они должны быть талантливы, вооружены яснымъ умомъ и энергіей, и при этомъ обладать доброй волей и благороднѣйшимъ характеромъ. Тогда бы пріятно было царствовать и вести впередъ свой народъ! Но гдѣ государь, которому выпало счастье имѣть такихъ слугъ!... Я возлагаю большія надежды на наслѣднаго принца прусскаго ¹⁾. По всему, что я знаю и слышу о немъ, онъ очень замѣчательный человѣкъ, а это необходимо, чтобъ умѣть узнавать и выбирать способныхъ и талантливыхъ людей. Что бы тамъ ни говорили, а равный познается только равнымъ, и только тотъ

¹⁾ Впослѣдствіи король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, ум. въ 1862 г.